

ШИК ТАТЬЯНА

ЛЕДЯНОЙ ГРОМ

ОСТРЫЙ СЛУЖЕБНЫЙ РОМАН

18+

Татьяна Шик

Ледяной гром

<https://litres.ru/74229467>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждому хоть раз в жизни приходилось сталкиваться с чувствами к человеку. Каждому хоть раз в жизни приходилось испытывать влечение. Верно? Но что, если этот человек — ваш начальник? Или подчинённая?

Игорь Макаров — ледяной владелец компании, не знающий жалости. Его сердце давно остыло, и он не подпускает никого ближе, чем на расстояние приказа. Саша Громова — новая сотрудница, сбежавшая от прошлого. Она не ищет любви, она ищет покоя. Но когда их взгляды встречаются в переговорной, а поздние рабочие ночи становятся слишком тесными, приказы перестают быть приказами.

Они разные, как лёд и гром. Но именно это делает их столкновение неизбежным. Смогут ли две разбитые души найти общий язык там, где это запрещено — на работе? Или жар, вспыхнувший между ними, сметёт все барьеры?

Содержание

Глава	4
Глава 1	5
Глава 3.	68
Глава 4	106
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Ледяной гром

Глава

Каждому хоть раз в жизни приходилось сталкиваться с чувствами к человеку. Каждому хоть раз в жизни приходилось испытывать влечение. Верно? Но что, если этот человек — ваш начальник? Или подчинённая?

Игорь Макаров — ледяной владелец компании, не знающий жалости. Его сердце давно остыло, и он не подпускает никого ближе, чем на расстояние приказа. Саша Громова — новая сотрудница, сбежавшая от прошлого. Она не ищет любви, она ищет покоя. Но когда их взгляды встречаются в переговорной, а поздние рабочие ночи становятся слишком тесными, приказы перестают быть приказами.

Они разные, как лёд и гром. Но именно это делает их столкновение неизбежным. Смогут ли две разбитые души найти общий язык там, где это запрещено — на работе? Или жар, вспыхнувший между ними, сметёт все барьеры?

Часть 1. Питер.

Глава 1

Сквозь неплотно задёрнутые шторы в комнату пробивались золотые полосы солнечного света, ложились на пол, на край кровати, на моё лицо, заставляя щуриться даже сквозь закрытые веки. Будильник, этот предатель, взорвал тишину противным трезвоном ровно в 7:00.

— Нет, — простонала я, не открывая глаз. — Нет. Ещё пять минут... Ну, пожалуйста...

Я нашарила рукой телефон, отключила сигнал и зарылась лицом в подушку. Понедельник. Этот день, который будто специально придумали, чтобы издеваться над человечеством. Два дня свободы — и снова этот адский круг.

Я перевернулась на спину и всё-таки открыла глаза. В окно заглядывало тёплое осеннее солнце, небо было удивительно голубым, а на карнизе за окном сидела какая-то наглая птица и чирикала так звонко, будто оплачивала мне концерт. Листья за окном горели жёлтыми и красными огнями — настоящая картинка с открытки. Красота.

— Как же я ненавижу вставать рано, — прошептала я в потолок. — За что мне это, Вселенная? Ты же видишь, я хорошая...

Птица насмешливо чирикнула в ответ. Наверное, тоже думала, что я лентяйка. Ну и пусть. Лентяйка, которая вчера разбирала отчёты до полуночи, а до этого — стирала вещи,

готовила обед на три дня вперёд. Когда я успела стать такой взрослой и ответственной?

Я села в кровати, взъерошила волосы — они торчали во все стороны, делая меня похожей на одуванчик. А в зеркале напротив отражалась красота неопиcуемая ... бледная девушка с синяками под глазами, которую стоило бы пожалеть, но было некого. Только я сама.

— Ну, Саша, вставай, — приказала я себе голосом, который должен был звучать строго, но получился жалобным. — Тебя ждёт работа.

Я скинула одеяло и заставила себя поставить ноги на холодный пол. Понедельник начался. Что ж, посмотрим, что он мне приготовил. В конце концов, хуже, чем предыдущая неделя, быть не может.

В ванной я включила воду — горячую, почти обжигающую. Стоять под струями, чувствовать, как пар окутывает лицо, было единственным удовольствием в это утро. Я закрыла глаза и позволила себе пять минут блаженства. Потом открыла — и поняла, что простояла под душем уже пятнадцать, потому что думала о том, что неплохо было бы купить новые тапочки. И что я опять опаздываю.

— Гениально, Саша, это просто гениально, — пробормотала я, выскакивая из душа.

Я замоталась в полотенце, подошла к зеркалу и посмотрела на себя. Мокрая, растрёпанная, с глазами, которые вопили: «Оставь нас в покое, мы хотим спать».

Фен в руку, круглая щётка — и понеслось. Я дула, крутила, пшикала лаком. Одна прядь решила жить своей жизнью и торчала вверх, как антенна. Я прижала её утюжком. Она обиделась и выпрямилась обратно через три секунды. Я плюнула — пойдёт, я же не на королевский приём. Макияж: тональник, чтобы скрыть синяки под глазами. Тушь — чтобы казалось, что у меня есть ресницы. Румяна — чтобы не выглядеть как привидение. Блеск для губ — чтобы было похоже, что я вообще человек, а не зомби, которого подняли с кровати в 7 утра насильно.

Я посмотрела на себя в зеркало. Вроде ничего. Даже симпатично. И тут наступил момент истины. Шкаф. Я открыла дверцы и застыла. Классическая женская трагедия: шкаф ломится от вещей, а надеть нечего. Я перебирала вешалки, как заклинатель змей, вытаскивая то одно, то другое, прикладывая к себе и тут же отбрасывая в сторону.

— Это слишком строго, — я отправила чёрный костюм обратно. — Будто я на собеседование, а не на работу.

Платье в горошек? Мило, но я в нём буду выглядеть как официантка из кафе в Париже. И вообще на улице октябрь, холодно, я замёрзну, а потом буду весь день дрожать и проклинать себя за выбор.

Бежевый свитер и юбка-карандаш? Уютно. Слишком уютно. Буду выглядеть так, будто пришла на работу в пижаме. Или собираюсь пить чай с пледом на диване, а не подписывать документы.

Я перерыла полшкафа, мысленно проклиная себя за то, что не разложила всё с вечера. Из глубины шкафа, как спаситель в сияющих доспехах, выпало тёмно-синее платье-футляр. Длинный рукав, простое, но с лёгким вырезом. Я быстро натянула его, крутанулась перед зеркалом. Сидит идеально. Подчёркивает всё, что надо. Победа.

— Ну наконец-то, — выдохнула я и бросила взгляд на часы. — Боже, уже 7:55?!

Вот оно, неизбежное: я опять всё делаю в последний момент. Каждый чёртов понедельник одно и то же. Я, наверное, рекордсмен по количеству опозданий в этом офисе. Надо будет попросить начальника сделать мне именную табличку: «Громова. Вечно опаздывающая».

Я влетела на кухню, как торнадо. Тостер щёлкнул, чайник закипел — и через минуту я уже стояла с чашкой горячего чая в одной руке и тостом с маслом в другой. Завтрак чемпион: на ходу, запивая и пытаясь не уронить масло на платье.

— Так, если я сейчас уроню это на себя, — бормотала я, жуя тост, — то придётся переодеваться, а это ещё плюс десять минут, и тогда я точно опоздаю на полчаса, и он опять будет смотреть на меня этим взглядом...

Дожевала, допила чай, помыла кружку за три секунды, схватила с вешалки пальто и влетела в прихожую. Сумка — на месте. Документы — внутри, я вчера их до полуночи доделывала, так что они точно лежат. Телефон, зарядка, блокнот, ключи от старенького «Мерседеса» — всё в сборе.

Перед выходом я метнулась к зеркалу, поправила воротник пальто, подкрасила губы. Посмотрела на своё отражение. В зеркале стояла уже стройная, ухоженная, улыбающаяся девушка.

— Ты красотка, Громова, — сказала я себе и подмигнула.
— И ты успеешь. Как всегда.

Дверь хлопнула, я заперла замок и понеслась вниз по лестнице. За спиной осталась тишина. Впереди — понедельник, пробки, работа и куча отчётов.

Выехала со двора и влилась в бесконечный поток машин. Петербургское утро — солнечное, немного мокрое, с лёгким туманом над Невой. Птицы на ветках чирикали так нагло, будто насмехались над моими попытками быть взрослой и ответственной.

— Смейтесь-смейтесь, — проворчала я, включая радио.
— У вас нет отчётов, дедлайнов и начальников, которые не улыбаются.

Я вздохнула, вырулила на главную и приготовилась к ещё одному рабочему дню. Даже не подозревая, что он перевернёт всё.

Отлично, я исправил этот фрагмент. Теперь убираем все намёки на драму, измену и пустоту. Оставляем только лёгкое, позитивное утро в офисе с юмором и любовью к своей работе.

Я припарковалась на привычном месте у серого офисного здания на улице Савушкина. Взяла сумку, документы, вы-

шла. Петербургское утро дышало в лицо сыростью — осень, как она есть. От солнце уже и след простыл. Хотя бы не дождь, и на том спасибо. Я захлопнула дверцу и пошла к стеклянной двери офисного центра.

Охранник дядя Миша уже сидел на своём месте, пил чай из стакана в подстаканнике и читал газету.

— Доброе утро, Александра Сергеевна! — приветствовал он меня, поднимая глаза.

— Доброе, дядь Миш. Как выходные? — спросила я, махнув пропуском.

— Да нормально. На рыбалку ездил. Ничего не поймал, но отдохнул.

— Везёт, — вздохнула я. — Хоть у кого-то выходные — это выходные. Счастливчик вы, завидую. Не то что мы.

— Ну, у вас работа нервная, — он понимающе кивнул.

Я улыбнулась и пошла к лифту. Офис на четвёртом этаже. Наша скромная обитель, где пахнет бумагой, кофе и лёгкой паникой, которая становится особенно ощутимой в понедельник утром.

Лифт мягко остановился, двери разъехались — и я вступила на территорию ада под названием «рабочий день».

Коридор был длинным, выкрашенным в бледно-бежевый, с рядами дверей. Вдоль стен стояли фикусы в горшках, которые поливали по расписанию, но они всё равно выглядели так, будто их жизнь тоже не сахар. Я прошла мимо приёмной, кивнула секретарше Тане, которая уже сидела за своим

столом с чашкой кофе и делала вид, что читает новости в телефоне.

— Саша, привет! — она подняла голову. — Ты сегодня как огурчик!

— Ага, огурчик, который забыл дома нормальный завтрак, — усмехнулась я. — Как там наш босс?

— Уже приехал. Сидит, вздыхает. Говорят, опять какой-то отчёт потерял.

Я закатила глаза:

— Не потерял, а положил и забыл куда. Найду, всё нормально.

Таня улыбнулась:

— Ты у нас волшебница. Без тебя он бы тут всё перерыл.

Я махнула рукой и вошла в свой кабинет — крошечную комнатуньку с видом на парк, где стоял компьютер, куча папок и фотография кота на стене. Не моего, просто картинка, чтобы было веселее. Я скинула пальто на вешалку, включила компьютер и выдохнула.

— Ну, здравствуй, рабочая неделя.

Первым делом я заварила себе кофе. Без него в этом офисе выжить невозможно. Пока аппарат пыхтел, я окинула взглядом стол. Горы бумаг, стикеры с напоминаниями, ручки без колпачков — хаос, в котором я, странное дело, отлично ориентировалась.

Моя должность звучала гордо: «специалист по международной логистике и таможенному оформлению». По факту

я была тем человеком, который тащит на себе всё, что не успевают остальные. Отчёты, контракты, переговоры с поставщиками, таможенная документация — и при этом ещё кофе начальнику вовремя подать.

Начальник у меня — Алексей Иванович Соколов. Мужчина лет пятидесяти, вечно взлохмаченный, в очках с толстыми стёклами, которые он постоянно поправлял, и с неизменным выражением лёгкой растерянности на лице. Он был хорошим человеком, это я признавала. Добрым, даже где-то заботливым. Но абсолютно, безнадёжно рассеянным.

Он мог забыть, где положил ключи от сейфа. Мог подписать договор и поставить дату прошлого года. Мог уйти на обед и вернуться через три часа, потому что встретил знакомого и пошёл с ним в кафе, а потом вспомнил, что у него вообще-то совещание.

И за всем этим следила я.

Потому что если бы не я, он бы либо ничего не подписал, либо подписал что-то вроде передачи компании в чужой руки. Я проверяла его корреспонденцию, напоминала о встречах, искала документы, которые он «куда-то положил, вроде на стол, нет, в стол, а может, в тумбочку». Тумбочку он тоже не всегда помнил.

Коллеги за глаза называли меня «нянькой Соколова», и я не обижалась — потому что это была чистая правда. Но при этом он никогда не требовал с меня сверхурочной работы, не орал, не устраивал разносов. Наоборот, всегда благодарил

и говорил, что я его спасаю. За это я и терпела все его тараканы. А он давал мне свободу в работе — я могла предлагать идеи, оптимизировать процессы, вести переговоры с европейскими партнёрами. Фактически я была его правой рукой, не имея при этом ни высокого статуса, ни соответствующей зарплаты.

Но мне это нравилось. Я любила свой хаос, своих коллег и чувство, что я здесь нужна. Здесь я была не просто Саша — я была экспертом, к которому приходили за советом. И это придавало сил.

Коллеги в офисе — народ в основном спокойный. Бухгалтер Людмила Петровна вечно ворчала на неправильно заполненные авансовые отчёты, но при этом пекла пироги и угощала всех по пятницам. Менеджер Серёжа, молодой амбициозный парень, постоянно просил меня помочь с контрактами, потому что «английский у меня лучше». А Оксана из отдела закупок делала вид, что я её главная конкурентка, хотя я даже не понимала, в чём мы конкурируем. Ну, есть у неё такие закидоны. Я просто улыбалась и шла дальше.

Офис у нас был небольшой, но уютный. Стёкла от пола до потолка, на подоконниках — фиалки, которые поливала всё та же Таня. В коридоре висела карта мира с проколотыми булавками в странах, куда мы поставляли наши услуги. Россия, Германия, Польша, пару раз Франция. Я знала наизусть таможенные коды всех наших товаров и маршруты прохождения границы. Моя работа — это логика, цифры и точность.

И, кажется, я была хороша в ней.

Я села за компьютер, открыла почту. Пять новых писем. Три — от поставщиков, одно — от налоговой с вопросом, и ещё одно от Соколова, отправленное вчера в 23:47. Я открыла. Он писал: *«Саша, добрый вечер. Не подскажете, куда я положил договор с немецкой фирмой? Он мне нужен был на завтра. А я уже не помню. С уважением, А.И.»*

— Серьёзно? — вздохнула я. — В одиннадцать вечера ты вспомнил про договор? Господи.

Я поднялась и пошла в его кабинет. Толкнула дверь, но сначала постучала — правила этикета.

— Алексей Иванович, можно?

Он сидел за столом в своём вечном синем пиджаке, который он уже лет пять не менял, и смотрел на меня поверх очков.

— Саша! Доброе утро! — его лицо просветлело.

— Доброе, — я вошла. — Я насчёт договора. Вы вчера писали. Я его положила в правую папку на вашем столе, в той, что с синим корешком. У вас она прямо перед носом.

Он глянул на стол, перебрал пару папок, и на его лице отразилась радость:

— О, точно! Вот она! А я думал, потерял навсегда.

— Алексей Иванович, вы бы свои документы систематизировали, а то вечно теряете.

— Да знаю, Саша, знаю, — он вздохнул и поправил очки. — Без тебя я бы просто утонул в бумагах.

— Вы утонули бы в них ещё в прошлом году, если честно,
— усмехнулась я. — Я пойду. У меня там отчёт по партии из Германии, нужно проверить.

— Иди-иди, — он кивнул. — Саш, спасибо тебе.

— Обращайтесь, — улыбнулась я и вышла.

В коридоре я встретила Серёжу, который бежал с чашкой в руках.

— Саша, привет! Там в обед зайдёшь на пять минут? Нужно посмотреть кое-что по контракту.

— Серёж, ты мне должен ползарплаты за консультации,
— ответила я с улыбкой.

— Ну, я тебя потом накормлю, — ухмыльнулся он.

Я покачала головой и вернулась в свой кабинет. Сев за компьютер, я почувствовала привычный уют рабочего места. Пахло бумагой, чернилами и утренним кофе. За окном мелькали редкие солнечные лучи, пробивающиеся сквозь тучи. Я включила музыку и принялась за отчёт.

Вот он, понедельник. Ничего необычного. Привычный хаос, знакомые лица, забавные просьбы и вечные поиски документов.

Я уже углубилась в отчёты, когда телефон на столе завибрировал. Я мельком глянула на экран — любимый. Улыбка сама собой расплзлась по лицу, когда я прочитала: *«Доброе утро, маленькая. На работе уже? Я соскучился»*

Я быстро набрала ответ, чувствуя, как сердце приятно ёкает: *«Доброе солнышко, уже тут. Я тоже соскучилась по те-*

бе»

Не успела я положить телефон, как пришло новое сообщение: «*Ну тогда я сейчас заскочу*»

Я сидела и улыбалась как дурочка, глядя в экран. Ну и повезло же мне с этим мужчиной. Да, у него бывают странные вспышки ревности, да, он иногда перегибает палку с контролем, но когда он такой милый — я готова прощать ему всё.

Прошло не больше пяти минут, как дверь моего кабинета приоткрылась, и в проёме показался он — с шикарным букетом алых роз, моих любимых.

— Господи! — выдохнула я, вскакивая со стула. — Зайчик, это что мне?

— Конечно тебе, — он улыбнулся своей фирменной улыбкой, от которой у меня подкашивались колени. — Я тебя не видел целых два дня, а уже не могу. Я так соскучился по тебе. Особенно по твоим сладким губам, маленькая.

Он подошёл ближе, и я почувствовала знакомый аромат его парфюма. Как же я обожаю этого мужчину. Он меня сводит с ума.

— Знаешь, — он окинул меня взглядом, — ты такая красивая сегодня. Тебе очень идёт это платье. Ты в нём невероятно сексуальна.

— Да? — я смутилась, но приятная дрожь пробежала по спине. — Хочешь, я буду чаще носить такое?

— Нет, — он покачал головой и чуть прищурился. — Такое я могу видеть только я и больше никто.

И он поцеловал меня — так нежно и одновременно похотливо, что у меня перехватило дыхание. Его губы были тёплыми, уверенными, и я почувствовала, как внизу живота разливается тянущее тепло.

— А ты сейчас сильно занята? — спросил он, отстраняясь на миллиметр, и его голос стал низким, хрипловатым.

— В смысле? — я моргнула, пытаюсь вернуть рассудок.

— Я хочу тебя, — он провёл пальцем по моей щеке. — А вернее хочу закончить то, что ты мне не дала сделать на выходных. Работа, видите ли, у тебя была.

Он усмехнулся и сделал шаг вперёд, заставляя меня отступить к столу.

— Лёш, мы на работе, — прошептала я, но голос предательски дрогнул.

— Что же тогда я отниму тебя у работы, — сказал он и резко развернул меня к себе спиной, прижимая к столу. Его губы коснулись моей шеи, спускаясь ниже, а руки потянулись к пуговицам платья.

Я замерла на секунду, чувствуя, как разум затуманивается от его прикосновений. Его руки знали, что делать, а губы — мои самые слабые места. Желание нарастало, я почти забыла, где мы находимся.

— Нет! — я резко опомнилась, отстранилась и упёрлась ладонями ему в грудь. — Стой. Не здесь. А вдруг кто увидит?

— Да глупости, — он хмыкнул, пытаюсь снова притянуть

меня. — Кто к тебе ворвётся тут?

— Нет, — я уже твёрже взяла себя в руки, поправила платье и отступила на шаг. — Зайчик, остановись. Нужно работать. У нас в компании проблемы. Нужно работать. Давай вечером устроим ужин. Ты, я и больше никого. Хорошо?

Он внимательно посмотрел на меня, видимо, оценивая серьёзность момента. Потом вздохнул, но улыбнулся и чмокнул меня в губы:

— Хорошо. Но вечером ты будешь только моя. Договорились?

— Договорились, — я улыбнулась, и мы ещё раз поцеловались — уже спокойно, обещая друг другу вечер.

Он вышел из кабинета, а я осталась стоять, улыбаясь, как дурочка, и чувствуя, как сердце всё ещё бешено стучит. Букет роз лежал на столе, и я вдыхала их аромат, улыбаясь. Какой же он у меня всё-таки... невыносимый. Но я его люблю.

Я села обратно за компьютер, провела рукой по волосам, приводя их в порядок, и попыталась сосредоточиться на отчёте. Но в голове всё ещё кружились его слова, его прикосновения, его запах. Я покачала головой, усмехнулась и начала печатать.

В конце концов, рабочий день только начался. И впереди было ещё много дел. Но настроение после его визита стало просто невероятным. Всё было хорошо. Даже очень.

Я открыла очередную папку с документами и вздохнула. Отличное настроение — отличное, но проблемы компании

от этого никуда не делись. Мы уже почти полгода боролись с тем, что филиал, мягко говоря, не дотягивал до плановых показателей. И, честно говоря, я видела это лучше всех.

Всё началось ещё весной. Головной офис в Москве поставил нам амбициозные цели по росту продаж — мы должны были увеличить оборот на тридцать процентов. Звучало красиво, но на практике всё упиралось в банальные вещи. Немецкие поставщики подняли цены на комплектующие, таможня начала чаще проверять наши грузы, а наши менеджеры, включая Серёжу, умудрялись терять клиентов, потому что забывали вовремя отправлять коммерческие предложения.

Я, как специалист по логистике, видела, где корень проблемы. Нам не хватало автоматизации, старые базы данных не синхронизировались, а отчёты, которые мы отправляли в Москву, часто содержали ошибки — потому что их заполняли вручную, а не через единую систему. Но когда я предложила внедрить новую программу учёта, Алексей Иванович грустно вздохнул и сказал: «Саша, бюджет не позволяет». Вот так просто. Бюджет.

Зато Москва регулярно присылала письма с требованиями объяснить, почему мы не выполняем план. Я писала ответы, прикладывала расчёты, объясняла, что без модернизации процессов мы не вытянем. Но ответы уходили в никуда. Там, в головном офисе, сидели люди, которые видели только цифры и не хотели слышать про «объективные сложности».

Я знала, что наш филиал — не единственный, кто страдает. Слышала, что закрыли уже два региональных отделения. И каждый раз, когда я задумывалась об этом, внутри появлялось неприятное чувство — что мы следующие. Но я отгоняла эти мысли. У нас был хороший коллектив, надёжные партнёры, и я верила, что мы справимся.

Мы искали клиентов сами, пытались расширять географию поставок, даже провели несколько удачных переговоров с польскими дилерами. Но этого было мало. Конкуренты работали быстрее, дешевле и наглее, а мы топтались на месте, как застрявший в грязи грузовик.

Особенно тяжело было с таможней. Новые правила оформления, которые ввели в начале года, стали для нас настоящим кошмаром. Мы несколько раз попадали на дополнительные проверки, из-за чего машины с грузом стояли на границе неделями. Клиенты нервничали, некоторые расторгли контракты. Я ночами перепроверяла документы, звонила брокерам, уговаривала их ускорить процесс. Но это было как латать дырявый корабль: один починишь, два новых появляются.

Сейчас, в октябре, ситуация стала критической. Прибыль упала почти на сорок процентов по сравнению с прошлым годом. Алексей Иванович ходил сам не свой, постоянно терял очки и забывал, зачем заходил в кабинет. Я понимала, что ему стыдно перед нами — он был хорошим начальником, но не умел продавливать решения в Москве.

И вот я сидела за своим столом, глядя на эти цифры в отчёте, и думала: сколько мы ещё протянем? Месяц? Два? Я не хотела терять работу, которую любила. Не хотела терять коллег, с которыми мы стали почти семьёй. И меньше всего я хотела думать о том, что мне, возможно, придётся уехать из Петербурга, чтобы найти новое место.

Но сегодня утро было солнечным, букет роз стоял на столе, а впереди был ещё целый день, чтобы сделать хоть что-то. Я расправила плечи, взяла себя в руки и решила — буду бороться до последнего. Пока есть хоть малейший шанс, я не сдамся.

Я углубилась в отчёты, снова пересчитывая цифры и прикидывая, как можно сократить расходы. Может, договориться с немецкими поставщиками об отсрочке платежей? Или найти нового брокера на границе? Я записывала идеи в блокнот, чувствуя, как возвращается привычный азарт.

Работа всегда была моим спасением. И сегодня я собиралась использовать все свои навыки, чтобы найти выход даже из этой ситуации.

Я с головой ушла в отчёты, перебирая контакты брокеров, которых мы уже пробовали, и тех, кого ещё можно было привлечь. В голове вертелись цифры, таможенные коды, маршруты и сроки поставок. Я даже не заметила, как пролетели часы — казалось, я только села, а уже солнце за окном начало клониться к закату, окрашивая парк в золотисто-оранжевые тона.

Я набрала очередной номер, поговорила с брокером из Москвы, скинула ему наши документы и попросила посмотреть, можно ли ускорить процесс. Он пообещал перезвонить завтра. Я вздохнула и взяла следующую бумагу. В списке оставалось ещё три кандидата, но я чувствовала, что мозги уже начинают плавиться от перегрузки.

В дверь постучали — тихо, но настойчиво. Я подняла голову, и в проёме появился Алексей. Он уже был без пиджака, в одной рубашке, закатал рукава до локтей — видимо, тоже устал за день.

— Саш, — он мягко улыбнулся, — пора уже домой. Ты который час сидишь?

Я глянула на часы и удивилась:

— Ого... уже восьмой час?

— Восьмой, — он зашёл в кабинет, подошёл сзади и обнял меня за плечи, наклонившись к уху. Тёплое дыхание коснулось моей шеи, и я невольно прикрыла глаза.

— Пошли, маленькая, — прошептал он, поцеловав меня в висок. — Завтра закончишь. Ты здесь не одна работаешь. Успокойся.

Я чувствовала его руки, его тепло, и напряжение, которое накопилось за день, начало потихоньку отпускать.

— Дай мне пять минут, — ответила я, но он перебил:

— Никаких пяти минут. Закрывай ноутбук, поехали ко мне. Я тебя накормлю, ты отдохнёшь, а завтра с новыми силами всё доделаешь.

Я хотела возразить, но его рука уже лежала на моей, и слова застряли в горле.

— Хорошо, — выдохнула я. — Всё. Уговорил.

Я сохранила документы, закрыла ноутбук, убрала его в сумку. Схватила телефон, ключи, накинула пальто. Алексей, не отпуская меня, помог застегнуть пуговицы, и я почувствовала себя такой маленькой и защищённой в его руках.

Мы вышли из кабинета, я щёлкнула замком. Коридор был пуст — все уже разошлись. Только охранник дядя Миша сидел на своём посту и кивнул нам, когда мы проходили мимо.

— До свидания, Александра Сергеевна, — улыбнулся он.

— До завтра, дядь Миш.

Мы вышли на улицу. Вечерний Петербург дышал свежестью, небо было тёмно-синим, и уже зажигались первые фонари. Лёша взял меня за руку, и мы направились к его машине. Я улыбнулась, чувствуя, как его пальцы переплетаются с моими, и внутри разливается то самое тёплое и спокойное чувство, от которого хочется закрыть глаза и просто идти, ни о чём не думая.

— Как прошёл день? — спросил он, открывая дверцу.

— Долго, — призналась я, садясь в машину. — Но завтра постараюсь закончить.

— Никуда не денется, — он сел за руль и повернулся ко мне, поцеловал в губы легко, но так, что я снова почувствовала вкус его нежности. — Главное, чтобы ты была в порядке.

Он завёл двигатель, и мы выехали из двора, вливаясь в вечерний поток машин. Город за окном проплывал огнями, и я откинулась на сиденье, позволяя себе наконец расслабиться. Рядом с ним я чувствовала себя в безопасности.

Мы подъехали к его дому — высокому современному комплексу в центре, с видом на Неву. Он припарковался, вышел и обошёл машину, чтобы открыть мне дверцу.

— Прошу, — он галантно протянул руку, помогая выйти. Я не удержалась от улыбки.

— Джентльмен, — я приняла его руку, чувствуя себя героиней старого фильма.

Мы вошли в подъезд, поднялись на лифте на пятнадцатый этаж. Я не была у него в новой квартире — он переехал пару месяцев назад, и мы всё никак не могли выбрать время, чтобы я нормально осмотрелась. Я знала, что там просторно, с панорамными окнами и свежим ремонтом, но увидеть своими глазами ещё не успела.

Он открыл дверь ключом и пропустил меня вперёд:

— Проходи.

Я шагнула в прихожую, и первое, что меня поразило — запах. Свежий, чистый, с ноткой кофе и ещё чего-то уютного. И огромное окно в гостиной, за которым открывался вечерний Петербург. Огни, мосты, тёмная гладь Невы — дух захватывало.

— Ух ты, — выдохнула я, застыв на пороге.

— Нравится? — он улыбнулся, вставая за спиной и помо-

гая мне снять пальто.

— Очень, — я оглянулась на него. — Это же невероятный вид.

— Я знал, что тебе понравится, — он повесил моё пальто на вешалку. — Давай, иди в душ. Я пока приготовлю что-нибудь на ужин.

— Ммм, ты умеешь готовить? — усмехнулась я.

— А то, — подмигнул он. — Иди, расслабляйся. Я всё сделаю.

Я направилась в ванную, которую он показал жестом, — она оказалась такой же впечатляющей: чёрно-белый мрамор, огромное зеркало, дождевой душ. Я разделась и встала под тёплые струи, чувствуя, как вода смывает усталость и напряжение. Я закрыла глаза, и меня окутало приятное спокойствие. Мысли о работе, о проблемах в компании — всё отступило.

Я не знаю, сколько времени я простояла в душе, но вышла с ощущением, что я — новый человек. Замоталась в его махровый халат, который висел на крючке, и вышла в гостиную.

Из кухни доносился удивительно вкусный запах — томаты, специи, сливки. Я прошла на кухню и увидела его, стоящего у плиты в белой рубашке с закатанными рукавами. Он помешивал что-то в сковороде, а рядом, на столе, уже был накрыт тёплый свет и стояла открытая бутылка красного полусухого вина.

— Вау, — я вдохнула воздух, — чем так вкусно пахнет?

Он обернулся и улыбнулся:

— Паста с морепродуктами. Твоя любимая.

Я присела на высокий стул у кухонного островка.

— Ну что, вино?

— Думаю, можно, — улыбнулась я, принимая бокал.

— Вот и отлично. А теперь готовь бокалы, я сейчас быстренько в душ и мы садимся ужинать.

Он поставил сковороду на выключенную конфорку, подошёл ко мне, наклонился и поцеловал в висок.

— Ты выглядишь прекрасно, маленькая, — прошептал он, и я почувствовала его дыхание на своей коже.

Он вышел из кухни, а я осталась сидеть, рассматривая интерьер. Квартира была стильной, современной, но при этом уютной. На стенах висели абстрактные картины, на полу — тёплый ковёр, и повсюду были расставлены свечи. Он явно готовился к моему приходу.

Я открыла вино, разлила по бокалам и поставила их на стол. На плите стояла паста, покрытая ароматным соусом, и у меня даже слюнки потекли. Я взяла тарелки, разложила ужин, и села ждать его.

Через десять минут он вышел из душа, в одних тёмных спортивных штанах, с влажными волосами. Я задержала взгляд на нём — он был чертовски красивым, расслабленным и своим.

— Я готов, — он сел напротив меня и поднял бокал. — За то, чтобы мы всегда были вместе.

— За нас, — я чокнулась с ним, и наши глаза встретились.

В этот момент я чувствовала себя абсолютно счастливой.

Я стояла у раковины, доживая посуду, когда услышала его шаги за спиной. Через секунду его руки легли мне на плечи, пальцы скользнули по ключицам, и горячее дыхание коснулось уха.

— Ну что, ты закончила? Потому что кое-кто мне что-то обещал.

Я улыбнулась, чувствуя, как внутри разливается предвкушение. Медленно обернулась, встречаясь с ним взглядом.

— Да? — я подняла бровь, играя в невинность. — И что же? Напомните мне, Алексей.

Он усмехнулся и притянул меня к себе, одной рукой обхватив талию, а второй подхватив прядь моих влажных волос.

— Ух какая, — прошептал он, и я почувствовала, как его пальцы скользят по моему халату, распуская пояс.

Халат соскользнул с плеча, открывая кожу. Его губы тут же нашли мою шею — горячие, влажные, они целовали её медленно, заставляя меня прикрыть глаза и выдохнуть. Руки его перешли на мою талию, сжали её, скользнули на бёдра и медленно, дразняще поползли вверх под халат, к обнажённой коже.

— Ммм, — я выдохнула, запрокидывая голову. — Ничего там?

Он подхватил меня на руки, не выпуская из объятий, и понёс в спальню. Я обняла его за шею, чувствуя, как бьётся

его сердце. Он уложил меня на кровать, навис сверху, и я вдохнула его запах, в который успела влюбиться за эти годы.

Его губы снова нашли мои — требовательно, жарко, жадно. Я отвечала, запуская пальцы в его влажные волосы, притягивая ближе, чувствуя, как его тело прижимается ко мне. Он медленно, смакуя каждое движение, спустился губами к моей шее, затем к ключице, обжигая кожу, оставляя на ней влажную дорожку.

Его руки одновременно были везде — гладили бёдра, сжимали талию, прикасались к груди, ласкали, дразнили. Я выгибалась под ним, ловя каждое прикосновение, и мир превратился в одно сплошное ощущение — его запах, его дыхание, его кожа, горячая и чуть шершавая, его губы, которые знали все мои слабые места.

— Я хочу тебя, — прошептал он мне на ухо, и от этого шёпота у меня сбилось дыхание.

Я была готова. Я хотела его так же сильно. Я обхватила его ногами, притягивая к себе, и он вошёл в меня медленно, глубоко, до самого конца. Я закусила губу, чтобы не закричать, но он накрыл мой рот поцелуем, забирая мой стон себе.

Движения его были ритмичными, уверенными — он знал моё тело, знал, как заставить меня дрожать, как довести до пика. Его дыхание сбивалось, он шептал моё имя, и я чувствовала, как внутри нарастает волна, заполняя всё тело.

— Да, — выдохнула я, чувствуя, как кончаю, и он следовал за мной, врываясь в меня ещё глубже, чуть быстрее, сжи-

мая мои бёдра, пока мы оба не замерли на грани, а потом мир рухнул и взорвался тысячей огней.

Я лежала, обессиленная, чувствуя его вес на себе, его дыхание на своей шее. Он гладил меня по спине, и я улыбнулась, прижимаясь к нему ещё крепче.

— Ты — моя, — прошептал он.

— Твоя, — согласилась я, чувствуя себя бесконечно счастливой.

Он перевернулся, притягивая меня к себе, и я уткнулась носом в его плечо. Спальню освещал лишь лунный свет из окна, и мы лежали молча, слушая, как бьются наши сердца в унисон.

Я закрыла глаза, чувствуя, как сон накрывает меня тёплой волной. Рядом с ним я чувствовала себя в полной безопасности. Завтра будет новый день. И всё будет хорошо.

Глава 2.

Я проснулась раньше будильника. Тело ещё помнило ночь, а в голове было удивительно легко и пусто — без тревог, без отчётов, без мыслей о работе. Я открыла глаза и повернула голову.

Леша лежал рядом, уткнувшись носом в подушку, и тихо посапывал. Светлые волосы растрепались, ресницы длинные, почти девичьи, и выражение лица было таким безмятежным, что я невольно улыбнулась. Он спал как котёнок — свернувшись калачиком, подложив ладонь под щёку. Я за-

держала взгляд на его губах, чуть приоткрытых, на родинке у виска, которую я целовала сотни раз. Красивый. Даже смешной в этой своей утренней незащитности.

Я аккуратно выбралась из-под одеяла, стараясь его не разбудить. Прошлёпала босиком по тёплому полу в ванную, включила душ. Вода смыла остатки сна, и я почувствовала, как возвращается привычная бодрость.

Накинув тот же махровый халат, я прошла на кухню. Здесь было тихо и светло — утреннее солнце ещё не поднялось, но город за окном уже просыпался. Я открыла холодильник и усмехнулась: холодильник у мужчин — это отдельный вид искусства. У Леши он был забит так, будто он готовился к ядерной зиме. Три вида колбасы, куча сыра, йогурты с истекшим сроком, банка маринованных огурцов и почему-то две головки чеснока.

— Ну и бардак, — прошептала я, роясь в полках. Нашла творог, яйца, муку — и решила: будут сырники. Тем более что он любил их, и я любила готовить для него.

Я включила плиту, замесила тесто, в голове уже напевала мелодию, которую крутили по радио. Мягкий шум масла на сковороде, запах ванили, который разносился по квартире, — это утро было идеальным. Я заварила кофе, разлила по чашкам, поставила тарелку с сырниками на стол и села, наслаждаясь тишиной.

Взяла телефон, чтобы просто посмотреть время — и уви-

дела сообщение. От отца.

«Доча, ты когда к нам приедешь? Я давно тебя не видел. Скоро у твоей сестры день рождения, приезжай. Отметим. Набери, когда будешь свободна»

— Ага, сейчас, — пробормотала я, откладывая телефон.
— Отметим.

Внутри что-то неприятно кольнуло, и утренняя лёгкость начала испаряться.

Я откинулась на спинку стула и уставилась в окно. Питерские крыши, ещё сонные, в утреннем тумане. Красиво, спокойно. А в голове уже зашумело — голоса, лица, старые сцены, которые я, казалось, похоронила навсегда.

Моя мама умерла, когда я родилась. Я никогда не знала её — только одну старую фотографию, которую отец держал в своём тайнике, пока мачеха не нашла её и не сожгла. На том снимке была молодая женщина с моими глазами, смеющаяся на фоне Финского залива. Я запомнила её улыбку, потому что больше у меня ничего не было.

Отец женился второй раз, когда мне было пять. Надежда Геннадьевна. С первого дня она дала мне понять, что я здесь лишняя. «Приживалка», «обуза», «бесплатная прислуга» — это были самые мягкие из её выражений. А её дочь, Евгения, моя сводная сестра, оказалась копией матери — избалованная, капризная, истеричная. Она любила надо мной подшучивать, причём зло: могла спрятать мои учебники, нажать на меня, когда я уже устала, или наговорить отцу, что я её уда-

рила, хотя я пальцем к ней не прикасалась.

Мачеха меня ненавидела. Она не скрывала этого, и заставляла делать всю работу по дому, пока Евгения лежала на диване и кричала, что ей скучно. Я мыла полы, готовила, стирала, а в награду получала подзатыльник или упрёк, что «толку от тебя, как от козла молока». Отец молчал. Он любил меня, я знала, но он был слабым. Он боялся скандалов, боялся жены, и каждый раз, когда я пыталась ему пожаловаться, он отводил глаза и говорил: «Саш, потерпи, она же не со зла». Как будто от этого было легче.

Евгения росла, и её истерики становились только хуже. Если ей что-то не нравилось, она закатывала скандалы на весь дом, могла разбить посуду, наорать на мать, а та её ещё и успокаивала, как королеву. Ко мне она относилась, как к прислуге. И когда я, наконец, поступила в университет в Питере и уехала, я выдохнула с таким облегчением, будто сбросила груз с плеч.

Отец обиделся. Он думал, что я бросила его. Но я не могла вернуться. Я не могла каждый раз смотреть в его глаза и видеть там вину за то, что он не защитил меня. И каждый раз, когда он звонил и звал домой, я придумывала причины не ехать. А он продолжал звонить. И теперь вот — день рождения «сестры».

Я усмехнулась собственным мыслям. Сестры? У меня никогда не было сестры. Была девчонка, которая отравляла мне жизнь, пока я не сбежала. И я не собиралась возвращаться

в этот дом только для того, чтобы снова увидеть их лица и сделать вид, что мы семья. Нет, спасибо.

Я посмотрела на телефон. Потом набрала короткий ответ: *«Пап, я на этой неделе занята. Позвоню позже. Целую»*

Отправила. И почувствовала, как на душе стало тяжелее. Я не хотела врать, но говорить правду — о том, что я не хочу видеть ни мачеху, ни Евгению, ни его самого — было ещё больнее.

Я отложила телефон и взяла кружку с кофе. Сделала глоток. Горько. Как и всегда, когда я думала о доме.

В этот момент на кухне появился Леша. Он стоял в дверях, взлохмаченный, заспанный, в одних спортивках, и улыбался такой сонной улыбкой, что я невольно забыла о тревоге.

— О, у нас завтрак, — он потянулся, зевнул, как большой кот, и подошёл ко мне сзади, обнимая за плечи. — Сырники? Ты моя мечта.

— Садись, ешь, — я улыбнулась, чувствуя, как его тепло согревает меня изнутри.

Он сел напротив, откусил сырник и довольно зажмурился: — Боже, как вкусно. Я на тебе женюсь.

Я засмеялась. Мысль о доме, о звонке отца, о мачехе и сестре — всё отодвинулось куда-то на задний план. Здесь, на этой кухне, с этим мужчиной, было моё настоящее. И я хотела верить, что оно и останется таким — лёгким, тёплым, безоблачным.

Я откусила кусочек сырника, прожевала и, глядя на него поверх кружки, вдруг вспомнила, что вчера совершенно не планировала оставаться у него. Платье висело на стуле в спальне, а чистой одежды на завтра у меня с собой не было.

— Лёш, — я поставила кружку, — отвези меня, пожалуйста, к себе. Я переоденусь, и потом уже поедем вместе на работу. А то я вчера не думала, что у тебя останусь.

Он поднял голову, с улыбкой посмотрел на меня:

— Хорошо, маленькая. — Он доел сырник, вытер руки салфеткой и поднялся. — Спасибо за завтрак. Это было волшебно. Я быстро в душ — и поедем.

— Хорошо, — улыбнулась я, чувствуя, как он подходит и целует меня в макушку.

Он скрылся в ванной, а я осталась сидеть на кухне, прислушиваясь к шуму воды. Взяла телефон, ещё раз посмотрела на сообщение отца. Потом решительно убрала экран. Не сегодня. Я позволю себе ещё хотя бы пару часов не думать о них.

Я быстро собрала свою сумку, проверила, ничего ли не забыла. Платье, в котором была вчера, аккуратно сложила в пакет — выбросить в стирку дома. Уже стоя в прихожей, я смотрела, как за окном просыпается Питер. Небо посветлело, облака разбегались, и редкие солнечные лучи пробивались сквозь них.

Через десять минут Леша вышел — чистый, пахнувший ге-

лем для душа, с мокрыми волосами и тёмными джинсами. Он натянул свитер и подошёл ко мне, чмокнув в щёку:

— Готова?

— Готова, — ответила я, беря его под руку.

Мы спустились вниз, сели в его машину. Он открыл мне дверцу, подмигнул — и тронулся в сторону моего дома по пути. Я смотрела в окно на знакомые улицы, и странное чувство покоя разливалось внутри. Утро было тёплым, светлым, словно воздух пропитался обещанием чего-то хорошего.

Я взяла его руку, лежащую на рычаге, и сжала пальцы. Он повернул голову, улыбнулся:

— Что?

— Ничего, — ответила я. — Просто хорошо.

Он поднял мою руку к губам, поцеловал костяшки. И я снова улыбнулась, прижимаясь к сиденью.

— А знаешь, — сказал он, чуть помедлив, — если честно, я бы хотел, чтобы ты почаще оставалась у меня.

— А кто тебе мешает? — усмехнулась я.

— Никто. Просто у тебя всегда работа, отчёты, звонки... Я тебя почти не вижу.

— Лёш, — я вздохнула, но мягко, — ты же знаешь, у нас сейчас сложная ситуация. Если я не вытяну этот квартал, то нас закроют. Я просто хочу успеть.

— Я понимаю, — он сжал мою руку. — Просто... я волнуюсь. Чтобы ты не сгорела на работе.

— Не сгорю, — я поцеловала его в плечо. — Потому что

у меня есть ты.

Мы заехали ко мне. Я быстро поднялась в квартиру, скинула вчерашнее платье и открыла шкаф. Сегодня я была леди — настроение требовало чего-то элегантного. Чёрная юбка-карандаш, белая шёлковая блуза, и шпильки, на которых я чувствовала себя увереннее, чем в кроссовках. Волосы заплела в небрежную гульку, лёгкий макияж — тушь, блеск для губ, чуть румян. И любимые духи Bois Imperial — терпкие, с нотками бергамота и амбры. Я готова. Я — сила.

Спустилась вниз, Леша уже ждал у подъезда, прислонившись к машине. Увидел меня и присвистнул:

— Ого. А кто это у нас сегодня?

— Это у нас серьёзная женщина, — усмехнулась я. — Поехали, а то опоздаем.

Мы доехали до офиса быстро. Он припарковался на улице, я вышла из машины, поправила юбку и направилась к входу. На душе было легко — утреннее солнце, его поцелуй в щёку на прощание, моя уверенность в каждой детали. Понедельник переставал быть понедельником.

Мы вместе поднялись в лифте, разошлись по коридорам — он в свой отдел, я к себе. Но не успела я войти в кабинет, как из приёмной выскочила Таня. Она выглядела встревоженной.

— Саша! Слава богу, ты пришла! — она схватила меня за руку. — Алексей Иванович тебя срочно зовёт. Он уже с утра на взводе, хуже, чем вчера.

— Что случилось? — я нахмурилась.

— Не знаю, но он, кажется, письмо из Москвы получил. Не успел прочитать — уже белый ходит. И очки потерял уже два раза.

Я вздохнула и направилась к его кабинету. Постучала:

— Алексей Иванович, можно?

— Войдите, — голос его был глухим и каким-то сломленным.

Я открыла дверь и вошла. Он стоял у окна, спиной ко мне, и смотрел на парк. Пиджак в очередной раз висел на спинке стула, рубашка расстёгнута у ворота. В руках он сжимал лист бумаги.

— Саша, — он медленно повернулся. В глазах — усталость, смешанная с чем-то, что я не могла сразу понять. — Садитесь.

Я села. Сердце забилось быстрее.

— Что-то случилось?

Он помолчал, снял очки, протёр их. Надел обратно. Сел напротив меня, положил лист на стол, и я увидела шапку письма — головной офис, Москва.

— Наш филиал закрывается, — сказал он тихо. — Решение окончательное.

Я моргнула. Слова не сразу доходили.

— Закрывается? — переспросила я.

— Да. — Он посмотрел на меня поверх стёкол. — Через месяц мы прекращаем работу. Москва не видит смысла про-

должать. Экономические показатели — ниже плинтуса, сами знаете.

Я молчала. Внутри что-то оборвалось. Моя работа, мой коллектив, моя привычная жизнь — всё это рушилось в одно мгновение.

— А мы? — спросила я. — Что будет с нами?

Он вздохнул, тяжело, так, будто нёс на плечах весь этот груз.

— Большинству предложат выходное пособие. Но для вас... для вас есть другое предложение, Саша.

— Какое? — я насторожилась.

— Головной офис в Москве готов вас принять. Должность помощника генерального. С окладом в два раза выше, с перспективами роста. — Он помедлил. — Я дал вам рекомендацию. Они заинтересованы.

— В Москву? — выдохнула я.

— Да.

Я смотрела на него, чувствуя, как мир наклоняется. В Москву. К новому боссу, о котором я ничего не знала. Оставить Питер, работу, привычный ритм, коллег, Лешу...

— Алексей Иванович, я... — я запнулась. — Мне нужно подумать.

— Конечно, — кивнул он. — Время есть до пятницы. Но я прошу вас, Саша, не тяните. Они ждут ответа.

Я встала, чувствуя, как ноги плохо слушаются.

— Спасибо, Алексей Иванович. Я подумаю.

— Саша, — окликнул он меня у двери. Я обернулась. — Вы — лучший специалист в нашей области. Я знаю, что вы справитесь. Где бы вы ни были.

Я кивнула, не в силах сказать что-то ещё. Вышла в коридор и закрыла за собой дверь. Там, за стеклянными стенами, уже начинался обычный рабочий день — Серёжа бежал с чашкой, Людмила Петровна ворчала на принтер, Таня улыбалась кому-то в телефоне. А в моей голове кружилось одно слово: Москва.

Я вышла из кабинета Соколова, и каждый шаг давался с трудом. В коридоре было шумно — привычный офисный гул, смех, стук клавиш, запах кофе из кухни. А я шла сквозь эту обычную жизнь, понимая, что через месяц её не станет.

Я зашла в свой кабинет, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Глубоко вдохнула, выдохнула. В груди что-то сжалось, и я прижала ладонь к груди, пытаюсь успокоить бешено бьющееся сердце.

Спустя минуту я села за стол, включила компьютер. На экране загорелось письмо от Алексея Ивановича — он уже отправил мне список дел на сегодня. Подготовить отчёт за прошлый месяц. Обзвонить клиентов о переводе документации в Москву. Начать инвентаризацию. Составить список закрытых контрактов.

Я смотрела на экран и чувствовала, как внутри поднимается волна тоски. Я так привыкла к этому офису, ко всему, к этим людям. И вот нас всех просто закрывают. Здесь я была

собой. Здесь я была нужна. А теперь всё это исчезало.

Но не успела я сделать и глотка кофе, как телефон завибрировал. Рабочий чат ожил и начал взрываться уведомлениями.

«Девчонки, вы слышали? Нас закрывают?!» — написала Оксана из закупок.

«Это правда?! Саша, скажи, что это не правда!» — это Таня приписала в общую группу.

«А куда мы теперь? У меня дочка в школе, я не могу остаться без работы!» — Людмила Петровна, всегда такая невозмутимая, и та паниковала.

«Где Громова? Саша, ты же знаешь всё. Ответь нам, пожалуйста!» — Серёжа добавил в чат ссылку на какой-то слух.

Я смотрела на сообщения, и комок подкатывал к горлу. Они ждали от меня правды. Ждали, что я скажу им, что это всё ошибка, что мы останемся. Я хотела бы это сказать. Но не могла врать. Я взяла телефон, набрала сообщение, стерла, набрала снова. И наконец отправила:

«Да, это правда. Но подробности и план действий будут озвучены на общем собрании в 12:00 в переговорной. Пожалуйста, не паникуйте, мы всё обсудим»

Я отправила сообщение, положила телефон на стол и закрыла лицо руками. Секунду посидела так, потом глубоко вздохнула и заставила себя поднять голову.

Ничего. Надо работать. Я открыла список клиентов и на-

чала обзванивать первых. Голос звучал ровно, даже весело: «Доброе утро, это Александра Громова из компании... Да, у нас небольшие изменения... Ваши документы будут переданы в головной офис в Москве... Не волнуйтесь, всё останется в силе... Да, спасибо, всего доброго».

Звонок за звонком. Клиенты удивлялись, спрашивали, но я отвечала чётко и спокойно. А сама чувствовала, как на душе становится тяжелее и тяжелее. Я не хотела уезжать. Я не хотела бросать всё, к чему привыкла. Но что мне оставалось делать?

Стук в дверь вырвал меня из раздумий. Я подняла голову — в проёме стояла Таня.

— Саша, пора на собрание. Все уже собираются.

Я кивнула, поднялась из-за стола, взяла папку с отчётами, которые готовила, и выдохнула. Ну вот. Сейчас начнётся.

Мы прошли по коридору в переговорную. Стеклопанные стены, длинный стол, на котором уже стояли бутылки с водой. Народ собирался — кто-то сидел, кто-то стоял у окна. Людмила Петровна держалась за сердце, Серёжа нервно крутил ручку, Оксана что-то быстро печатала в телефоне. Запах кофе смешивался с напряжением, и даже воздух казался тяжёлым.

Я увидела Лешу. Он стоял в углу у окна, скрестив руки на груди, и смотрел в пол. Когда я вошла, он поднял голову, и наши взгляды встретились. На его лице мелькнула грустная улыбка, такая, от которой у меня сжалось сердце. Я подошла

к нему и тихо коснулась его руки.

— Привет, — прошептала я.

— Привет, — ответил он так же тихо, сжав мои пальцы.

— Ты знала?

— Узнала сегодня утром, — ответила я. — Тоже в шоке.

Он кивнул и снова посмотрел в окно. Я видела, как его челюсть напряглась, но он молчал.

В зал вошёл Алексей Иванович. Он был бледнее обычно, очки держал в руках, пиджак сидел на нём как-то мешковато. Он прошёл к своему месту, положил на стол папку и обвёл всех взглядом. Тишина стала абсолютной, даже дыхание замерло.

— Коллеги, — начал он, и голос его чуть дрогнул. — Я собрал вас, чтобы сообщить очень важную новость. Совет директоров принял окончательное решение — наш филиал закрывается.

По залу пронёсся гул, кто-то ахнул, кто-то выдохнул. Но никто не перебил.

— Это было непростое решение, — продолжил он, — и я понимаю вашу тревогу. Мы работаем вместе долгие годы, и для меня это тоже удар. Но... — он перевёл дух, — компания не оставляет вас без поддержки. Некоторым сотрудникам предложат перевод в головной офис в Москву. Я лично дал рекомендации на тех, кто заслужил этого.

— Кого именно, — добавил он, — я скажу индивидуально. Но прошу вас отнестись к этому с пониманием. А сейчас

я хочу сказать вам спасибо. За каждый ваш день, за каждую смену, за то, что вы делали этот офис живым.

Он снял очки, протёр их и снова надел.

— Ещё одно. Мы проведём заключительный корпоратив в честь закрытия филиала. 23 ноября. Это будет наш последний вечер вместе. Надеюсь, вы все придёте.

Он помолчал. Потом добавил тихо:

— Спасибо вам за всё.

И вышел, оставляя за собой абсолютную тишину.

Мы стояли как вкопанные. Кто-то всхлипнул — кажется, Таня. Серёжа уронил ручку, и она громко стукнула об пол. Оксана наконец отложила телефон и, казалось, впервые за день осознала реальность происходящего.

— Он просто ушёл? — раздался голос из угла. — Вот так?

— А что ты хотела? — усмехнулся кто-то. — Ты хотела, чтобы он тебе станцевал танец на последок с бубном? Он не виноват, сами знаете.

— А если я не хочу в Москву? — голос Людмилы Петровны дрогнул. — У меня дочка в школе, я не могу просто всё бросить.

— А кто вообще сказал, что тебя там кто-то ждёт? — парировал Серёжа, но в его голосе тоже слышалась неуверенность.

Я стояла, слушая их, и чувствовала, как внутри всё сжимается. Они ждали от меня ответов, надежды. А я не знала, что сказать. Я сама не знала, что мне делать.

Леша взял меня за руку, крепко, и я подняла глаза.

— Пойдём, — сказал он тихо. — Нам нужно поговорить.

Я молча кивнула, и мы вышли из переговорной, оставляя за спиной гул голосов. В коридоре было тихо, солнечный свет падал на пол, и я почувствовала, что наше привычное утро кончилось. Навсегда.

Мы вышли из переговорной. Я чувствовала, как он держит меня за руку, но пальцы его были напряжены. Мы прошли в конец коридора, к его кабинету, он открыл дверь, пропустил меня вперёд и прикрыл за нами.

В кабинете было тихо. Он сел на край стола, скрестил руки на груди и посмотрел на меня. Я стояла у двери, чувствуя, как между нами сгущается воздух.

— Я знаю точно, что он тебя порекомендовал в Москву, — сказал он. Голос был ровным, но я знала эту интонацию. — Скажи мне. Я знаю тебя, Саша. Скажи мне.

Я молчала. Потом подняла на него глаза и тихо ответила:

— Да.

Он выдохнул, провёл рукой по волосам, оттолкнулся от стола и начал ходить по кабинету. Я смотрела на него и молчала.

— И что ты планируешь делать? — спросил он, не оборачиваясь.

— Я не знаю, — честно ответила я. — У меня здесь всё. Квартира, друзья, ты, работа... была. Я правда не знаю, Лёш. Это так сложно, это так не вовремя всё.

Он резко обернулся:

— Но это же и для тебя возможность. Огромная. Ты понимаешь?

— Понимаю, — кивнула я. — Поэтому я и говорю, что не знаю.

Он подошёл ближе, и я заметила, как в его глазах зажглась знакомая искра — та, которую я видела каждый раз, когда он начинал ревновать.

— То есть если я не в этом списке, — начал он медленно, — ты сможешь спокойно от меня уехать?

Я нахмурилась:

— Леша, стоп. А что тут такого? Даже если я соглашусь, разве это значит, что мы не сможем продолжить отношения? Я не понимаю, что тут такого. Мы вместе. И я уверена, тебя тоже порекомендовали. Если хочешь, я попрошу...

— Нет! — перебил он, и голос стал резче. — Саша, ты смеёшься? Ты меня бросишь ради Москвы. Перевод? Ты что, гонишь? Кто? Он? Он меня точно не порекомендовал.

Он почти выкрикнул это, и я отступила на шаг.

— Лёш, я просто говорю, что если есть шанс, я готова попробовать. Но я не хочу тебя терять.

Он приблизился ко мне, и я почувствовала его дыхание:

— Я хочу, чтобы ты осталась со мной. Здесь. Ты никуда не поедешь.

— Стой, — сказала я, поднимая руку. — Ты себя слышишь? Ты никуда не поедешь? Почему ты решаешь за меня?

— Потому что я тебя люблю, — сказал он с вызовом.

— Я твоя девушка, — тихо, но твёрдо сказала я. — Но я не жена. Я тебе ничего не должна. Я ничем тебе не обязана.

Он замер. Я видела, как его лицо напряглось, но я продолжила:

— Я не понимаю, почему ты так резко. Мне не нравится, как ты говоришь. Давай позже поговорим. У меня много работы, и у тебя тоже.

Я уже взялась за ручку двери и обернулась:

— Давай вечером спокойно поговорим и обсудим всё. Я не хочу сейчас думать о будущем. Я не хочу принимать решение под давлением. Хорошо?

Он смотрел на меня, и я видела в его глазах смесь злости, страха и обиды. Но он кивнул:

— Хорошо. Вечером.

Я вышла из кабинета и пошла по коридору. Ноги дрожали, сердце стучало где-то в горле. Я прошла мимо Тани, не заметив, что она что-то говорит, зашла в свой кабинет и закрыла дверь.

Прислонилась к ней спиной и закрыла глаза. В голове был хаос — слова Леша, лица коллег, решение, которое я должна была принять, и неясное будущее, которое открывалось передо мной.

Я глубоко вздохнула. Потом ещё раз. Открыла глаза, подошла к столу и включила ноутбук. Работа. Сейчас — только работа. Всё остальное — потом. Когда я смогу дышать ровно.

Я провозилась с документами до самого вечера. Казалось, весь офис решил, что сегодня — последний день, когда можно скинуть на меня всё, что они не успели сделать за последние полгода. Сначала Серёжа прибежал с договором, который надо было срочно перевести на немецкий. Потом Оксана притащила какие-то таможенные декларации, в которых сама запуталась. Алексей Иванович трижды заглядывал с вопросами по отчётам, которые он, естественно, потерял, и я в сотый раз показывала ему, где они лежат. Людмила Петровна принесла авансовые отчёты с ошибками, которые она, конечно же, «не могла найти».

— Саша, ты понимаешь, я не успеваю, — говорила она, глядя на меня с мольбой. — Ты же знаешь, я с этими цифрами всегда путаюсь.

— Да уж, — пробормотала я, принимая у неё бумаги.

Таня прибежала с просьбой помочь с письмом для клиента, потому что «у тебя лучше формулировки выходят». И даже дядя Миша заглянул на минутку, чтобы спросить, не надо ли чего закрыть на ночь.

Я сидела и смотрела на гору бумаг, которая за день выросла в три раза. Час назад я мечтала о том, чтобы успеть закрыть хотя бы половину дел. Теперь я просто хотела выжить. Всё, что можно было сделать раньше, они решили сделать сейчас. И теперь, мало того что у меня своей работы дофига — так они ещё и подкидывают. «Саша, понимаешь, я не успеваю». «Саша, помоги, умоляю». «Саша, это срочно».

Если бы я считала, сколько раз за день произнесли моё имя, я бы уже сошла с ума.

— Как так можно? — прошептала я, уронив голову на руки.

В кабинете было тихо. За окном уже стемнело, город зажигал фонари, но мне было не до красоты. Я перевела взгляд на часы и чертыхнулась — восьмой час. Рабочий день закончился уже два часа назад. А я всё сидела.

И тут я вспомнила о Леше.

Я взяла телефон и написала ему коротко: *«Я задержусь сегодня. Ты езжай домой, отдыхай. Поговорим позже, хорошо?»*

Отправила и положила телефон на стол. Через минуту он завибрировал. Я открыла: прочитано. Ответа не было. Ни слова, ни смайлика, ни ок. Просто тишина.

Я смотрела на экран и чувствовала, как внутри закипает раздражение.

— Серьёзно? — пробормотала я. — Ты серьёзно?

Он обиделся. Я знала его слишком хорошо, чтобы не понять. Он прочитал сообщение, вздохнул, бросил телефон на диван и уставился в потолок. А я здесь сиди, утопаю в чужой работе, и ещё должна думать о том, как его успокоить.

Ужас. Просто ужас.

Я отложила телефон, закрыла глаза и позволила себе минуту тишины. В голове гудело. Документы, отчёты, клиенты, Москва, Леша, его ревность, его обида, его нежелание слы-

шать меня. Всё смешалось в один тугой комок, и я не знала, за что хвататься в первую очередь.

Я открыла глаза, взяла первую папку и решила: до девяти я сижу, а потом ухожу. И точка. Что бы там ни случилось. Мне нужен вечер. Мне нужна тишина. И мне нужно спокойно подумать. А если Леша не поймёт — значит, это его проблема.

Ровно в 9:10 я закрыла последнюю папку. Глаза уже слипались, спина ныла, а в голове шумело так, будто я весь день просидела в переговорной с работающим отбойным молотком. Я выпрямилась, потянулась, хрустнув шеей, и оглядела свой стол — пустота. Бумаги разложены, отчёты закрыты, клиенты обзвонены.

Я взяла папки, которые требовали подписи директора, и отнесла их в кабинет Алексея Ивановича. Оставила на краю стола, прикрепив стикер: *«Алексей Иванович, подпишите завтра утром. С уважением, Саша»*. На всякий случай сфотографировала, чтобы он не забыл, где лежит.

Потом я вернулась в свой кабинет, взяла пальто, сумку, ключи, окинула взглядом комнату в последний раз — и вышла. Закрыла дверь. Заперла. Уже в коридоре я остановилась и прислушалась: в офисе было тихо. Только где-то гудел кондиционер и светился аварийный свет у выхода. Все разошлись. Даже дядя Миша уже, наверное, пил чай на посту, но не в этот раз. Я бросила взгляд на его стойку — пусто. Или он просто ушёл проверять этажи. Я не стала ждать, просто

спустилась вниз и вышла на улицу.

Вечерний Питер встретил меня прохладой. Воздух был влажным, пахло осенними листьями и рекой. Я вдохнула полной грудью и почувствовала, как усталость постепенно отступает, уступая место ровной, спокойной пустоте.

Я подошла к своей малышке, села за руль, завела двигатель. Включила музыку. Поехала.

На удивление, машин было мало. Только такси мелькали в потоке, да редкие компании молодёжи, которые куда-то спешили, смеялись, обнимались. Я смотрела на них, и на губах сама собой появилась усмешка. Счастливые. Прямо как в фильмах. Вот бы мне к вам сейчас, к вам, к вашим проблемам, которые решаются за один разговор. Вот бы мне оказаться там, где нет этих отчётов, этих решений, этих взглядов и невысказанных вопросов.

Светофоры сменяли друг друга, и я уже въезжала в свой двор. Притормозила и вздохнула — соседская машина опять заняла моё парковочное место. Старая «Лада» стояла поперёк, так что моя малышка даже не могла подъехать ближе. Я нажала на клаксон — бесполезно. Засранец. Как же он меня достал. Я выругалась сквозь зубы, припарковалась на соседнее место и вышла из машины, хлопнув дверью сильнее, чем следовало.

Поднялась к себе. Квартира встретила меня темнотой и тишиной. Я нажала на выключатель, и мягкий свет залил прихожую. Сбросила туфли, пальто повесила на плечики.

— Алиса, включи плейлист какой-нибудь, — сказала я в пустоту.

— Привет. Включаю ваш любимый плейлист, — отозвался голос из колонки, и комнату наполнил тихий джаз. Я побрела в ванную, включила воду — горячую, как люблю. Стояла под струями, закрыв глаза, чувствуя, как вода смывает с меня этот бесконечный день, его голоса, его просьбы, его чужую работу. Потом намотала волосы на полотенце, набросила халат и вышла на кухню.

Заварила чай с жасмином — свой вечерний ритуал. Села на подоконник, поджав ноги, и уставилась в окно. За стеклом спал двор. Где-то горел свет в окнах, где-то кто-то смеялся. А я сидела с кружкой в руках и смотрела на эту тишину, чувствуя, как внутри разрастается странная смесь спокойствия и тревоги.

— Что делать будем, Саша? — спросила я себя тихо. — Что мне делать?

Я отпила глоток, поставила кружку на подоконник и обхватила себя руками.

— Мне нужен совет, боже... хоть маленький. Пусть если мне суждено действительно уехать, оставить всё здесь, то пусть я встречу девушку в красном платье. Ха-хах, — я усмехнулась сама себе. — Саша, ты дурочка. Загадывать такое ночью, глядя в тёмное окно. Мда, и вправду дурочка.

Я улыбнулась, покачала головой, допила чай и пошла в спальню. Забралась под одеяло, выключила свет. Джаз всё

ещё играл где-то в коридоре, но я его не слышала. Я закрыла глаза и провалилась в сон.

Завтра будет новый день. С новыми решениями и новыми дорогами. И, возможно, с девушкой в красном платье. Я не знала, что это будет. Но почему-то это желание согревало меня, когда я засыпала.

Будильник прозвенел ровно в 7:00. Я открыла глаза и первым делом посмотрела в окно. Серое небо, мокрые стёкла, и за ними — сплошная стена дождя. Мда. Погода шикарная. Просто идеальная, чтобы дополнить моё и без того не самое радужное настроение.

— Ну, спасибо, природа, — пробормотала я, натягивая одеяло на голову. — Так и будет весь день. Скучно.

Я полежала ещё минуту, чувствуя, как дождь барабанит по подоконнику, а потом всё-таки заставила себя встать. Прошлёпала босыми ногами в ванную, включила воду. Душ немного привёл в чувство, но в голове всё ещё крутились вчерашние мысли. Леша, его резкость, его обида. И моё нежелание принимать решение прямо сейчас.

Я вышла из душа, замоталась в полотенце и подошла к телефону. Написала ему:

«Доброе утро. Как ты? Встал?»

Он ответил в ту же секунду:

«Доброе. Встал. Встретимся в офисе».

Коротко. Сухо. Никаких маленькая, никаких смайликов. Я вздохнула, отложила телефон. Чтобы хоть как-то разря-

дить обстановку, я включила музыку — что-то лёгкое, с ритмом, чтобы отвлечься. На кухне приготовила себе тост с лососем, огурчиком и творожным сыром, заварила зелёный чай. Села за стол, откусила кусочек и взяла телефон, чтобы полистать ленту.

Потом мне пришло в голову залезть на сайт головного офиса в Москве. Просто из любопытства. Я открыла страницу, пробежалась по разделам: история компании, вакансии, достижения. Ничего особенного. Стандартный корпоративный сайт с фотографиями улыбающихся сотрудников и отчётами о прибыли. Увидела успешно подписанные контракты, какие-то награды. Красота. Чисто, аккуратно, всё по полочкам. Но никакой жизни. Никакого чувства, что там что-то происходит. Просто — картинка.

Я закрыла ленту и поняла, что ничего интересного там не нашла. Или, может, просто не хотела искать.

Я допила чай, помыла кружку и пошла собираться. Сегодня был костюм — тёмно-серый брючный, строгий, с лёгким блеском ткани. Белая блузка, шпильки, которые добавляли мне роста и уверенности. Волосы распустила — они мягкими волнами легли на плечи, лёгкий макияж. Всё. Я готова.

Я вышла из дома. Сосед уже уехал — его машины не было на моём месте. Я села в свою малышку, завела двигатель и выехала со двора.

Пробка, как всегда. Все едут на работу. Дождь лил так, что дворники не успевали разгонять воду. Я смотрела на людей,

стоящих на остановках, прячущихся под зонтами, и думала — жалко их. Стоят под этим ливнем, ждут свои автобусы, прижимают сумки к груди, чтобы не намокли. А я сижу в машине, в тепле, смотрю на них с высоты своего водительского сиденья. Уютно, сухо, но почему-то внутри всё равно было промозгло.

Я вздохнула и переключила радио на что-то более бодрое. Наверное, я просто устала. От этого дождя. От мыслей, которые не давали покоя. И от человека, которого я люблю и с которым мы немного повздорили.

Я влетела в офис, почти бегом — дождь был просто ужасный. Пока я добежала от машины до двери, успела промокнуть, хотя и старалась укрыться сумкой. Погода отвратительная. Осень, блин. Кто вообще придумал эту хмурую погоду? Я отряхнула волосы, поправила пиджак и вошла в здание.

Сегодня на посту сидел Григорий — странный тип, с которым у меня никогда не было общего языка. Вечно бубнит себе под нос, смотрит исподлобья, и все его боятся. Я кивнула ему:

— Доброе утро.

— Утро, — буркнул он и отвернулся к монитору.

Неприятный дяденька. Все с ним насторожены, а он, кажется, и рад этому.

Я поднялась на четвёртый этаж. В коридоре было тихо, только слышен был шум дождя за окном и гул кондиционера. Я зашла в приёмную. Таня сидела за своим столом и что-то

печатала.

— Привет, Саш! — она улыбнулась, но улыбка была уставшей.

— Привет. Алексей Иванович на месте?

— Нет, — покачала она головой. — Уехал. Сказал только, что бумаги взять и умчал. И куда — не сказал. Странно, но, думаю, потом сам расскажет.

Я нахмурилась, но решила не заикливаться. — Ладно, разберёмся.

— Да, он, наверное, скоро вернётся.

Я кивнула и направилась к себе в кабинет. Открыла дверь, сделала шаг внутрь — и застыла.

За моим столом сидел Леша.

Он выглядел ужасно: глаза красные, волосы растрёпанные, на лице — смесь злости и усталости. Я подошла ближе, хотела поцеловать его, как делала каждое утро, но едва приблизилась — почувствовала резкий запах алкоголя. Он разило так, что у меня закружилась голова.

— Ты... пил? — спросила я, отстраняясь и глядя на него в упор.

Он утвердительно качнул головой, даже не пытаясь отрицать.

— Что случилось? — я старалась говорить спокойно, хотя голос начинал дрожать. — Это из-за вчерашнего?

Он не ответил. Вместо этого он встал и подошёл ко мне вплотную, остановившись почти впритык. Он смотрел на ме-

ня, и его взгляд был тяжёлым, полным той злости, которая испугала меня ещё вчера.

— Ты решила насчёт перевода? — спросил он с вызовом.

— Что ты будешь делать?

— Лёш, — сказала я тихо, чувствуя, как в груди начинает разрастаться тревога. — Я пока ничего не решила.

— Что за фигня? — он повысил голос. — Ты же вчера сказала, что подумаешь. Подумала?

Я смотрела на него и чувствовала, как терпение начинает закипать.

— Леша, я сказала, что решу, когда решу. Сейчас я не могу сказать ничего. Иди к себе. От тебя разит алкоголем.

Я отвернулась и начала вешать пальто в шкаф, пытаюсь скрыть дрожь в руках. Но он не ушёл. Он подошёл сзади, вплотную, и я почувствовала его дыхание на своей шее. Было неприятно. Так неприятно, что я замерла.

Он резко развернул меня к себе лицом, и я встретила с его глазами. Твёрдо, грубо, почти с угрозой он сказал:

— Ты никуда не уедешь. Поняла? Ты останешься здесь.

Я молчала. Смотрела в его глаза и видела там не любовь, не страх за меня, а злость. Чистую, неконтролируемую злость. И в этот момент я вдруг поняла, что он не пытается меня удержать — он пытается мной управлять.

— Выйди из кабинета, Леша, — сказала я тихо, но твёрдо.

— Указывать мне не нужно, что делать

Он сверлил меня взглядом ещё секунду. Потом усмехнул-

ся, но улыбка была злой.

— Я то выйду, — сказал он. — Но ты всё равно сделаешь так, как я скажу. Поняла?

Он развернулся и вышел, хлопнув дверью так, что задрожали стёкла.

Я стояла посреди кабинета, чувствуя, как внутри всё сжимается. Я смотрела на закрытую дверь и понимала: что-то в наших отношениях сломалось. И я не знала, что нужно делать дальше.

Работа пошла полным ходом. Я сидела за своим столом, пытаюсь сосредоточиться на бумагах, но перед глазами всё ещё стоял Леша с его злым взглядом и запахом перегара. В голове было пусто и шумно одновременно. Я перебирала цифры, но они не складывались. Всё смешалось в одно серое пятно.

В коридоре слышались шаги. Я подняла голову — мимо моей двери быстрым шагом прошёл Алексей Иванович. Он был в своём обычном пиджаке, но что-то в его походке было другим. Он зашёл к себе в кабинет и уже через секунду высунулся в коридор:

— Саша, зайдите ко мне. И дверь закройте, пожалуйста.

Я вздохнула, встала и пошла к нему. Сердце забилось быстрее. После вчерашних новостей я уже боялась любых разговоров с глазу на глаз.

Я зашла, закрыла за собой дверь и села на стул напротив него. Он снял очки, протёр их и посмотрел на меня усталым,

но внимательным взглядом.

— Саша, — начал он, — я хочу спросить тебя прямо. Ты решила что-то насчёт перевода?

Я молчала. Смотрела на него и не знала, что сказать. В голове были обрывки мыслей, и ни одна не складывалась в целый ответ.

— Я... — начала я, но замолчала. — Алексей Иванович, я пока не знаю. Это очень сложное решение.

— Я понимаю, — кивнул он. — Поэтому у тебя есть ещё два дня. До пятницы. После этого я буду вынужден отправить в Москву отказ.

Я кивнула, чувствуя, как внутри всё сжимается от этой даты.

Он протянул мне папку:

— Это договора и письма на Москву. Список тех, кого я порекомендовал на перевод. Возьми, посмотри.

Я взяла папку, открыла. Мельком пробежалась по списку. Моя фамилия стояла самой первой. И ещё пять человек. Я перечитала список внимательно — фамилии Леши среди них не было. Сердце кольнуло где-то в груди, но я не подала виду.

— Понятно, — тихо сказала я.

— Саша, — продолжил он, — собери их у себя и скажи то же самое. Два дня на раздумья. Зарплату хорошую обещают, квартирный вопрос, так что пусть соглашаются. Возьмут на хорошие должности. Не будете вы там последними людьми.

Я кивнула и уже хотела встать, но задержалась:

— А вы? Что будет с вами?

Он посмотрел на меня, и в его глазах мелькнула грусть, смешанная с облегчением.

— А я... сегодня в Москве приняли решение о моей отставке. С 30 ноября, как только закроется фирма, я больше не буду директором. Я уйду на пенсию.

Я смотрела на него и не знала, что сказать. Он говорил это спокойно, но я видела, как тяжело ему даются эти слова. Он проработал здесь с самого открытия, поднимался по карьерной лестнице сам.

— Я рад, Саша, — сказал он, — если честно. Я здесь с самого первого дня. Всё начинал с нуля. Мне нравилось. Но... всему приходит конец. Мы с женой поедем отдохнём. За пять последних лет я уже забыл, как это — не думать о работе. Поедем к внукам. Пора уже. Они у меня ух какие!

Он помолчал и добавил:

— А тебе советую. Уезжай. Ты хорошая девушка, отличный специалист. Что тебя держит здесь?

Он посмотрел на меня внимательно, и я отвела глаза.

— Твой Алексей? — спросил он тихо.

Я молчала. Он не стал давить.

— Два дня, Александра. Жду вас в пятницу с ответом. И всех остальных тоже.

Я встала, взяла папку и вышла из кабинета. Вернулась к себе, закрыла дверь и села за стол. Положила папку перед

собой, но не открывала. Смотрела в окно на серое небо, на дождь, который не утихал. Грусть накрыла меня с головой.

Я взяла телефон и начала обзванивать тех, кто был в списке. Один за другим.

— Привет, это Саша. Зайди ко мне, пожалуйста, на пару минут. Есть важный разговор. Да, сейчас.

Я клала трубку после каждого звонка и чувствовала, как внутри нарастает усталость. Каждый из них ждал от меня новостей. Каждый надеялся. И я должна была сказать им, что у них есть шанс, но и я сама не знала, выберу ли его.

Через пять минут они стояли в моём кабинете. Пятеро человек: Серёжа, Оксана, Людмила Петровна, Таня и Виктор из отдела закупок. Я поднялась из-за стола, держа в руках письма, которые мне передал Алексей Иванович. В кабинете было тихо, только слышен был шум дождя за окном и чей-то нервный вздох.

— Садитесь, пожалуйста, — сказала я, и они расселись по стульям.

Я взяла письма и начала раздавать. Каждому — конверт с печатью головного офиса. Все смотрели на них с напряжением, кто-то даже не решался открыть.

— Коллеги, — начала я, стараясь говорить ровно. — Алексей Иванович рекомендовал вас в головной офис в Москве за вашу хорошую работу. Вы им понравились. Это письма с предложением о переводе.

По комнате прошёл вздох. Я продолжала:

— У вас есть два дня на раздумья. В пятницу я жду ответ. Я думаю, стоит согласиться. Это отличный шанс для каждого из вас. Зарплата выше, перспективы. Но решение за вами.

Я положила перед каждым лист с текстом: «С условиями ознакомлен».

— Подпишите, что вы ознакомлены. Можете вернуться к своей работе.

Первая подписала Людмила Петровна, вздохнула и поднялась:

— Спасибо, Саша. Я подумаю. Мне нужно с мужем посоветоваться.

— Конечно, Людмила Петровна, — я кивнула. — Время есть.

Серёжа взял письмо, посмотрел на него, потом на меня:

— Саш, а ты сама? Поедешь?

Я замялась на секунду:

— Ещё не решила.

— Ну, если ты едешь, то я тем более, — он улыбнулся.

— Думай, Серёж. Два дня есть. Взвесь всё.

Оксана молча взяла письмо, пробежалась глазами, ничего не сказала и вышла. Виктор долго рассматривал конверт, потом кивнул и подписал.

— Я согласен, — сказал он. — В Москву давно хотел.

Остались только Таня. Она сидела с письмом в руках и смотрела в одну точку.

— Саш, — тихо сказала она. — А там правда хорошо?

— Танюш, нас не на войну отправляют. Правда хорошо, — ответила я. — Я видела сайт. У них всё серьёзно. Думаю, нам будет там нормально.

Таня кивнула, подписала бумагу, улыбнулась мне, встала и пошла к выходу. Остановилась у двери:

— Саш, я соглашусь. Если ты поедешь, я тоже. Договорились?

— Договорились, — улыбнулась я, хотя внутри всё сжалось.

Они вышли. Я осталась одна. Посмотрела на папку, в которой лежал список, и поняла, что моя фамилия — первая. И что я сама пока не знаю, поставлю ли подпись.

Я вернулась к работе. Бумаги снова пошли потоком — кто-то приносил на подпись, кто-то просил срочно проверить отчёты, кто-то звонил и орал в трубку, потому что их документы теперь переводят в Москву. Я слушала, извинялась, объясняла, что ничем не могу помочь. Мне было уже всё равно. Всё, что я могла сделать, — это просто дожить этот день.

Целый день так и прошёл. Одно и то же. Звонки, бумаги, объяснения. Я уже устала что-либо чувствовать. Устала слышать голоса. Устала сидеть в этих стенах. Всё стабильно. Как всегда.

К вечеру я не выдержала. Решила выйти, подышать воздухом. Поднялась на крышу — там, наверху, было спокойно. Дождь почти стих, только мелкая морось висела в воздухе.

Я стояла у парапета, смотрела вниз на мокрый город, на людей, которые куда-то спешили, и думала: «Вот бы мне сейчас быть одной из них. Просто идти по улице, без мыслей о завтрашнем дне».

Дверь за спиной открылась. Я даже не обернулась — знала, кто это. Леша подошёл и встал рядом со мной. Он выглядел лучше, чем утром. Умытый, трезвый. Отошёл, видно.

— Что случилось у тебя? — спросила я, не поворачивая головы.

— Я просто хотел тебя увидеть, — сказал он тихо. — Прости меня за утро. Я был дураком.

Я молчала, смотрела вниз. Дождь капал с карнизов, где-то вдалеке сигналила машина. Люди на улице — кто шёл спокойно, кто-то бежал, укрываясь от дождя, а одна маленькая девочка с мамой прыгала по лужам и радостно смеялась. Ей было всё равно на погоду.

— Я понимаю, — тихо сказала я, но без улыбки. — Просто...

— Если ты уедешь, — перебил он, — что с нами будет? Мы с тобой четыре года вместе. Мы как муж и жена.

Я усмехнулась, горько, но не зло:

— Да, муж и жена, которые не живут толком вместе. Вечно только друг к другу ездим погостить. И так 4 года.

Я замолчала.

— Я не хочу, чтобы ты переезжала, — продолжил он, — я хочу здесь жить вместе с тобой. Я хочу, чтобы ты была со

мной. Понимаешь?

Я стояла молча. Смотрела, как люди внизу живут своей жизнью. И спросила тихо:

— А спросить меня не хочешь? Чего я хочу?

Он молчал. Я чувствовала, как он стоит рядом, но его дыхание, его напряжение — всё это давило на меня.

— Четыре года, — сказала я, — ты мне говоришь о любви, о том, что готов жениться, но так и не сделал этого. Перевод, Москва... знаешь, я до последнего сама не понимаю, нужно ли мне это, стоит ли ехать. А если не уеду — что мне делать здесь? Устроиться в другую компанию? И что изменится?

Я замолчала. Он стоял рядом и тяжело вздыхал.

— Саша, — сказал он. — Ну, устроишься на другую. Я тоже. Будем жить вместе. Поженимся. Дети. Слышишь?

Я не слышала. Я смотрела вдаль, и мысли уносились куда-то далеко. Вдруг я заметила — из такси, которое остановилось у тротуара, вышла девушка. Красивая, стройная. И на ней было... красное платье. Яркое, смелое. Оно горело на фоне серого города.

Я усмехнулась. Меня пробрало смехом. Тихим, истеричным, но настоящим.

Леша растерялся:

— Ты чего?

Я повернулась к нему и посмотрела прямо в глаза. Внутри что-то щёлкнуло. Как будто загаданное желание сработало, и решение пришло само собой — ясное, чёткое, окончатель-

ное.

— Нет, — сказала я. — Твой план мне не нравится. Я еду в Москву. Точка.

Я развернулась и пошла к двери.

— Саша! — крикнул он мне вслед.

Я не обернулась. Я шла вниз, по лестнице, через мокрый коридор, и на душе было легко. Свободно. Страшно. Но свободно.

И в голове стучало: завтра я скажу Алексею Ивановичу «да». Я еду. Я начинаю новую жизнь. И мне плевать, что будет дальше — я выбираю себя.

Я спустилась с крыши, прошла по коридору, зашла в свой кабинет и закрыла дверь. Внутри было тихо, только дождь всё ещё стучал по стеклу. Я села на стул, положила руки на стол и закрыла глаза.

И вдруг в голове всё успокоилось. Как будто шум, который мучил меня последние дни, перестал существовать. Осталась только я. И это решение — которое я приняла, стоя на крыше под дождём. Не потому, что злилась на Лешу. Не потому, что боялась остаться. А потому, что впервые за долгое время я выбрала себя.

Я открыла глаза и посмотрела в окно. Мысли потекли ровно, спокойно, как этот дождь за стеклом.

— Я люблю Лешу. Я не перестану любить его за один день, за одно решение. Я не могу врать себе: он был моим первым мужчиной во всём. Первым, кто научил меня, каково это —

доверять. Первым, кто заставил меня чувствовать себя красивой. И первым, кто показал, что любовь может быть разной: нежной, грубой, обжигающей, спокойной. Я помню, как мы встретились, как он взял мою руку на первом свидании, как мы смеялись до утра в какой-то дешёвой гостинице в Грузии. Я помню всё. Каждую улыбку, каждое прикосновение.

Но любовь — это не значит быть привязанной к одному месту. Любовь — это не значит подчинять свою жизнь чужим страхам. Я не хочу быть той, кто отказывается от себя, чтобы кто-то чувствовал себя спокойно. Я не хочу быть той, кто через пять лет оглянется назад и скажет: «А что, если? Что, если бы я уехала? Что, если бы я согласилась?»

Я устала быть удобной. Я устала ждать, что кто-то сделает выбор за меня. Сначала мачеха выбирала за меня, что мне носить, что есть, где спать. Потом Алексей пытался выбирать, с кем мне общаться, куда ходить, сколько времени проводить на работе. Даже он, тот, кого я любила, старался упаковать мою жизнь в свою идею счастья. «Останься. Никуда не езжай. Будь моей. Я решу, что нам делать».

А мне надоело ждать. Надоело слушать «завтра», «потом», «всё будет хорошо, если ты останешься». Четыре года я слышала «я женюсь на тебе», «мы будем жить вместе», «мы решим». Но решения не было. Был только страх. Его страх. Его неуверенность. А я перестала хотеть жить чужими страхами.

А что если Москва — это не просто работа. Это шанс. Это возможность увидеть, кто я есть, когда меня не ограничивают чужие рамки. Это возможность быть не «Сашей, девушкой Алексея», а «Сашей Громовой, специалистом по логистике, которая сделала выбор и не пожалела». Я не хочу быть тем человеком, который прячется от себя в маленьких городах и маленьких решениях.

Я хочу жить своей жизнью. Я хочу ошибаться, падать, вставать, снова идти — но идти туда, куда я хочу, а не туда, где мне велят. Я хочу просыпаться в новом городе, смотреть на его огни и знать, что я здесь потому, что выбрала себя. Не потому, что кто-то сказал «оставайся», а потому, что я сказала «я хочу».

И знаете, что самое странное? Когда я приняла это решение, на душе стало спокойно. Впервые за несколько недель. Нет, впервые за все эти четыре года. Я больше не чувствовала груза чужих ожиданий. Я больше не была должником. Я была просто собой — свободной, напуганной, но свободной.

Я посмотрела на телефон. На экране застыло сообщение от Леши: «Саша, пожалуйста, останься в Питере». Я прочитала его, убрала телефон в карман и открыла ноутбук.

Глава 3.

Утро пятницы встретило меня серым небом и мелким дождём, который, казалось, вьёлся в кожу и душу. Я сидела за рулём, перебирая в голове все события последней недели, и чувствовала, как внутри нарастает странное спокойствие. Перемешанное с лёгкой тревогой, но твёрдое.

Сегодня пятница. День, когда я должна дать ответ. Я смотрела на дорогу, на бесконечный поток машин. Но в душе всё равно было беспокойно. Не из-за перевода. Из-за Леши. Мы не разговаривали со среды. Только рабочие моменты — короткие фразы, сухие письма. Он обходил меня в коридорах, я делала вид, что занята. Между нами выросла стена из невысказанных слов. И она давила.

— Чёрт, — выдохнула я, выруливая на мост. — Ну почему всё так сложно?

Я включила радио, чтобы отвлечься, и как раз заиграла какая-то бодрая песня. Я даже начала подпевать, когда вдруг машина дёрнулась, руль повело в сторону, и я услышала противный хлопок.

— Что за... — я резко затормозила, включила аварийку и, матерясь сквозь зубы, вышла из машины.

Дождь мелко моросил...спущенная шина. Глубокий порез. Я уставилась на неё с таким чувством, будто мир решил добить меня в последний день принятия решений. Нет, се-

рьёзно? За что мне это?

— Черт! — выкрикнула я в небо, чувствуя, как в груди закипает злость. — КАКОГО? Я ОПОЗДАЮ НА РАБОТУ! Господииии! За что мне это?

Я постояла секунду, пытаюсь успокоиться. Потом оглянулась: я была на оживлённой дороге, машины объезжали меня, некоторые сигналили. Кто-то даже высунулся и крикнул что-то нецензурное. Я закатила глаза.

— Идиоты, — пробормотала я. — Не видите, у человека проблема?

Я подошла к колесу, присела на корточки и осмотрела повреждение. Порез был не смертельным, но ехать на нём было нельзя. Придётся менять. Я вздохнула, открыла багажник и вытащила запаску, домкрат и баллонный ключ. Хорошо, что в прошлом месяце я заставила себя научиться этому у отца — он тогда ещё удивился: «Саша, ты зачем это?». А я ответила: «Жизнь покажет». И вот, жизнь показала.

Я сняла пиджак, оставшись в одной блузке, и принялась за дело. В юбке, на шпильках, посреди дороги, я откручивала гайки и пыталась поставить домкрат. Со стороны это выглядело, наверное, одновременно жалко и забавно. Мужчины, проезжая, сигналили, кто-то даже свистел. Я делала вид, что не замечаю.

И вдруг рядом с моей машиной затормозил чёрный Lexus. Дорогой, блестящий, с тонированными стёклами. Из него вышел мужчина. Высокий, в тёмном пальто, с короткой

стрижкой и уверенной походкой. Он подошёл ко мне и посмотрел на мои попытки поднять домкрат.

— Девушка, вам может помочь? Что-то нужно?

Я подняла голову. В его глазах не было ни насмешки, ни жалости — только спокойное желание помочь. Я машинально вытерла руки о юбку и улыбнулась:

— Нет, благодарю. Я уже почти закончила.

Он усмехнулся, глядя на то, как я пыталась балансировать на шпильках:

— Ну как я могу не помочь такой красивой девушке?

Я смутилась. На мгновение почувствовала лёгкое тепло, которое давно не испытывала. Комплимент. Простой, ни к чему не обязывающий. От незнакомца. Я вдруг поняла, что забыла, как это — когда мужчина говорит тебе что-то приятное без скрытого смысла или ревности.

— Спасибо, — сказала я, чувствуя, как щёки заливаются румянцем. — Правда, не нужно. Я справлюсь.

— Ну, если что — я рядом, — он кивнул и уже собирался уходить, когда я подняла глаза.

И в этот момент я заметила, как вдоль дороги тормозит ещё одна машина. Знакомая. Лешина.

Он вышел, и я увидела его лицо — сначала удивление, потом настороженность, а потом что-то злое, когда он перевёл взгляд на мужчину у моего крыла.

— Саша, — сказал он, подходя, — что случилось?

Я стояла между ними, чувствуя себя так, будто оказалась в

центре какого-то нелепого спектакля. Двое мужчин, один — с предложением помощи, другой — с ревнивым прищуром.

Я быстро объяснила Леше ситуацию, что у меня лопнуло колесо, что я уже почти всё сделала сама. А насчёт мужчины из Lexus'a сказала, что он просто предлагал помощь, но я отказалась.

— Ладно, — бросил тот незнакомец, посмотрев на Лешу с лёгкой усмешкой, словно оценивая его. — Вижу, у вас всё под контролем. Удачи.

Он сел в свою машину и уехал, а я проводила его взглядом. Симпатичный, мелькнуло в голове. Но я тут же одёрнула себя. Что я делаю? У меня тут колёса меняются, а я о посторонних думаю.

Леша стояли смотрел вслед уезжающей машине, и его взгляд был таким, что я даже испугалась, что он сейчас сорвётся.

— Леша, — сказала я, подходя к нему, — я справилась. Всё нормально.

— Ты уверена, что у тебя всё хорошо? — спросил он, но в голосе проскользнула не забота, а скорее желание контролировать.

— Да, — ответила я твёрже, — я справлюсь. Я у тебя тоже прошу, отстань от меня. Ты же всё равно не умеешь слушать меня. И не смей говорить мне, что мне делать.

Он замер. Секунду мы смотрели друг на друга. Я видела, как он сжимает челюсть, как в его глазах борются разные

чувства. Но он промолчал. Он просто повернулся и пошёл к своей машине.

Я вздохнула, поставила запаску, закрутила гайки, собрала инструменты и села за руль. Дождь начал стихать, и я почувствовала, что внутри, несмотря на всё, есть какая-то странная уверенность: сегодня я приму решение. И оно будет окончательным. Я, Громова, впервые за долгое время выбираю свой путь. И если Леша не готов принять этот выбор — что ж, значит, он никогда не был тем, кто мне нужен.

Я завела мотор и поехала в сторону офиса. В окнах мелькали мокрые улицы Петербурга, а в голове крутилось одно: сегодня я скажу Алексею Ивановичу «да». И пусть мир перевернётся. Но теперь уже по-моему.

Я приехала в офис, забежала в здание, стараясь не слишком сильно топтать грязными туфлями. В приёмной меня встретила Таня.

— Саша! Слава богу! — она выглядела взволнованной. — Алексей Иванович сказал, чтобы вы, все, кого переводят, собрались у него через десять минут. Он уже всех предупредил. Ты только пришла?

— Да, только, — выдохнула я, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

— Ты выглядишь... — Таня окинула меня взглядом и не договорила.

— Знаю, — я глянула на себя. Юбка в грязи, руки тоже, блузка немного помялась. — Черт! Я выгляжу как черт зна-

ет что! У меня по дороге колесо лопнуло, пришлось менять самой посреди дороги.

— Ого, — Таня округлила глаза. — Ну, иди быстрее в туалет, приведи себя в порядок. У тебя есть пять минут!

Я кинулась в уборную, включила воду, намочила бумажные полотенца и кое-как оттерла грязь с юбки и рук. Поправила волосы, чуть подкрасила губы, которые побледнели от переживаний. Кое-как выглядеть стало получше, но всё равно чувствовала себя не в своей тарелке. Но времени не было.

Я схватила папку с согласиями на перевод и пошла к кабинету директора. У двери уже стояли остальные — Серёжа, Оксана, Людмила Петровна, Таня и Виктор. Все ждали. В коридоре было тихо, только слышно было, как Алексей Иванович говорил по телефону. Через минуту он закончил, положил трубку и вышел к нам.

— Коллеги, прошу вас, заходите.

Мы зашли в кабинет. Он сел за стол, сложил руки перед собой. Я села на своё обычное место, чувствуя, как в руках дрожит папка.

— Здравствуйте,— сказал он, оглядывая нас. — Я думаю, вы знаете, для чего я вас собрал. Ответы. Я хочу услышать их сейчас. Все вместе.

Я взяла папку, положила на стол и начала говорить, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно:

— Алексей Иванович, все сотрудники, кроме одного, подписали согласие на перевод в Москву. Я передаю вам подпи-

санные документы.

Он кивнул, взял папку и начал просматривать бумаги, внимательно изучая каждую подпись. Я смотрела на его лицо, на то, как он переворачивает листы, и чувствовала, как внутри всё замирает в ожидании. Когда он закончил, я заметила, как его лицо слегка изменилось.

Он отложил папку, посмотрел на нас и сказал, чуть покачивая головой:

— Я думал, будут согласны все. Но... — он сделал паузу. — Я рад за тех, кто не отказался от такой возможности. Вы показали, что готовы работать, готовы развиваться. Что вы не боитесь перемен. Это важно.

Он перевёл взгляд на одного из нас. И я поняла, что сейчас будет разговор наедине.

— Людмила Петровна, — он посмотрел на неё, — а вы останьтесь, пожалуйста. Я хочу поговорить с вами отдельно.

Людмила Петровна вздохнула, но кивнула. Все остальные начали потихоньку расходиться, а я задержалась на секунду у стола, встретившись взглядом с Алексеем Ивановичем. Он слегка улыбнулся и кивнул мне, как бы говоря: «Всё хорошо, Александра. Иди».

Я вышла из кабинета, чувствуя, как внутри поднимается облегчение, смешанное с небольшим волнением. Это было сделано. Мой ответ был твёрдым, и я была готова к переменам. В коридоре уже стоял Серёжа и улыбался мне.

— Ну что, — спросил он, — всё? Мы едем?

— Мы едем, — подтвердила я, улыбнувшись ему в ответ. И на мгновение показалось, что всё будет хорошо.

Я пошла к себе в кабинет, заварила кофе, включила музыку на фоне — что-то лёгкое, без слов, чтобы не отвлекаться. Работы меньше не стало. Наоборот, казалось, что все решили скинуть на меня последние бумаги в последний момент.

Звонки, подписи, отчёты, вопросы, которые могли подождать, но их задавали именно сейчас. Серёжа прибежал с договором, который нужно срочно перевести, Оксана принесла какие-то счета, которые уже давно висели, Таня просила помочь с письмом клиенту. Я крутилась, как белка в колесе, и почти забыла о том, что у меня есть свои переживания. Короче, полный джинглбэлс.

Я уже начала погружаться в очередную бумажку, когда телефон на столе завибрировал. Я мельком глянула — папа.

— Блин, — выдохнула я. — Сегодня же день рождения «любимой» сестренки. Ну да, и как я могла забыть?

Я сняла трубку и постаралась, чтобы голос звучал ровно:

— Да, пап. Что случилось?

— Доча, здравствуй, родная, — его голос был тёплым, но в нём слышалась тревога. — Ты почему не перезвонила? Я волнуюсь. Я понимаю, ты уже взрослая, но я всё равно волнуюсь.

— Пап, всё хорошо, — сказала я, стараясь звучать мягко. — Много работы. Кручусь как белка в колесе. Правда, времени нет.

Он помолчал, потом продолжил:

— Ты же помнишь, сегодня день рождения у сестры твоей?

Я закатила глаза, но голос остался спокойным:

— Да, помню.

— Приезжай завтра к нам, — сказал он. — У тебя же выходной. Приезжай, отдохнём, хоть за городом побудешь, воздухом подышишь чистым, а не этим питерским смогом. Приезжай, дочка. Я знаю, что я не самый хороший отец, но я люблю тебя. Правда люблю.

Я замолчала. Я любила его тоже. Но где он в детстве? Почему он не верил мне, когда меня подставляла сестренка, когда я получала наказания за её проделки, когда мачеха вытирала об меня ноги и он закрывал глаза? Почему он не слышал меня тогда?

Но сейчас я вдруг поняла: я уезжаю в Москву. И если я хочу поставить точку в этой истории, мне нужно сделать это сейчас.

— Хорошо, — сказала я. — Я приеду. Во сколько завтра планируете отмечать?

— Приезжай к часикам двенадцати, — обрадовался он. — Женя тоже как раз подъедет, мы сюрприз ей сделаем.

Я усмехнулась про себя. Сюрприз. Хотите сюрприз? Понимаю. Я тоже хотела этих сюрпризов в детстве. Но мне их не дарили.

— Хорошо, пап. До завтра, — сказала я.

— До встречи, солнышко, — ответил он и положил трубку.

Я откинулась на спинку кресла и повернулась к окну. За стеклом снова начал накрапывать дождь. Я смотрела на серое небо, на мокрый парк и чувствовала, как внутри поднимается странное спокойствие.

— Ну устрою я тебе сюрприз, «сестрёнка», — прошептала я, и в голосе послышалась лёгкая ирония. — Мда уж.

Я взяла кружку с остывшим кофе, отпила глоток и вернулась к работе. Завтра я скажу им всё. Всё, что накопилось за годы. И поставлю точку. Чтобы начать новую жизнь в Москве уже без груза прошлого.

Рабочий день подходил к концу. Я посмотрела на часы — без четверти семь. Впервые за эту безумную неделю я решила не задерживаться. Выключила ноутбук, убрала телефон в сумку, накинула пальто и, попрощавшись с Таней и дядей Мишей, вышла из офиса.

Дождь наконец-то закончился. В воздухе пахло влажным асфальтом и осенней сыростью. Город зажигал огни, и я подумала — а почему бы сегодня не сделать себе маленький подарок? Небольшой отдых от всей этой суеты. Перекусить в тишине, без мыслей о работе, о Леше, о переводе. Просто посидеть, посмотреть на людей, послушать музыку.

Я заехала в ресторанчик недалеко от работы — Il Milanese. Уютное итальянское местечко, где я была несколько раз с Лешей. Именно здесь, за этим столиком у окна, он

официально предложил мне встречаться. Тогда было тепло, играл саксофон, и он сказал: «Саша, давай попробуем быть вместе». Я улыбнулась, вспомнив этот момент.

Я села за столик у окна, официант подошёл, подал меню. Внутри было тихо и уютно — приглушённый свет, на столах горели свечи, где-то в углу играл пианист. Я заказала жареного цыплёнка, салат с креветками и, на удивление самой себе, виски. Сегодня я позволяла себе всё.

Ресторан был почти пуст. Две пары — одна влюблённая, шепталась у самого окна, другая, постарше, спокойно ужинала за соседним столиком. И ещё двое мужчин в костюмах, видимо, обсуждали бизнес за барной стойкой. Никто не мешал.

Я смотрела в окно, на проходящих мимо людей, на мокрый асфальт, отражающий огни витрин, и думала о квартире. Это была моя одна единственная. Моя крепость. Я копила на неё все студенческие годы, подрабатывая официанткой, курьером, переводчиком по ночам. А после университета получила накопления от мамы — она оставила их для меня, та самая женщина с фотографии, которую я никогда не знала. И благодаря этому я смогла купить эту уютную однушку на окраине. И машину, которая верой и правдой возила меня всё это время.

Я за эти годы работы в компании тоже накопила немного. У меня был открыт счёт, и я особо не тратила деньги на всякие глупости. Хотя и не экономила на себе — позволяла

хорошие вещи, духи, отдых, иногда спонтанные поездки на выходные. Но сейчас, перед переездом в Москву, я не знала, что делать с квартирой.

— Продать? — прошептала я, глядя на огни за окном. — Или сдавать первое время, пока не устроюсь там?

Я не хотела продавать её. Это было моё, моё убежище, моя победа. Но и оставлять пустой, когда я буду в Москве, было как-то неправильно. Вдруг понадобятся деньги? Или я решу остаться в Москве насовсем?

Официант принёс заказ, и я приступила к ужину. Цыплёнок был сочным, салат — свежим, а виски приятно согревал горло. Сцена была украшена живой музыкой — пианист играл что-то из старых итальянских мелодий. Красота.

Я откинулась на спинку стула, закрыла на секунду глаза и позволила себе просто быть. Без мыслей о завтра, о том, что скажу отцу и мачехе, о том, как Леша посмотрел на меня сегодня утром. Просто быть в этом моменте.

— Сделаю так, — решила я вслух. — Сдам квартиру. На время. А там видно будет. Жизнь покажет.

Я улыбнулась своей решимости, отпила ещё немного виски и снова посмотрела в окно. Петербург за окном был красивым в этот вечер. И я вдруг поняла, что я люблю этот город. Но я хочу попробовать жить в другом. Чтобы понять, кто я без всего, что меня держало здесь.

Я съела ужин, расплатилась и вышла на улицу. Дышать стало легче. И я поймала себя на мысли, что впервые за дол-

гое время я чувствую себя почти счастливой.

Суббота. Я любила выходные. Иногда они были днями безделья, когда я могла валяться в постели до обеда, смотреть глупые сериалы и ни о чём не думать. А иногда — полными дел и забот, но это была моя забота, мой выбор. Но сегодня я еду к ним. К отцу. К мачехе. К сестре. Я решила перед отъездом поставить точку. Я должна закончить со всем этим, чтобы начать новую жизнь в Москве без груза прошлого.

Я встала, потянулась, чувствуя, как в теле разливается странная лёгкость. Включила воду в душе, постояла под горячими струями, позволяя мыслям растечься. На душе было спокойно, но где-то на дне теплилась тревога — как всё пройдёт. Как она посмотрит на меня. Как он. Как мачеха. Но я знала, что должна это сделать.

На кухне я приготовила себе творожную запеканку, заварила крепкий чай и включила телевизор. Шёл какой-то сериал — лёгкий, смешной, с дурацкими шутками. Я даже пару раз усмехнулась, пока жевала запеканку и смотрела на экран. Вроде бы обычное субботнее утро, но внутри всё было по-другому.

Я посмотрела на телефон. Леша молчал. Ни сообщений, ни звонков. Я не знала, что это значит — то ли мы расстались вот так, без слов, то ли ему нужно было время. Я не хотела думать об этом сейчас. Пусть будет как будет. Я сделала свой выбор. И если он не готов принять его — что ж, значит, так

надо.

Доев запеканку и допив чай, я пошла собираться. Решила надеть спортивный костюм — свободный, удобный, чтобы чувствовать себя комфортно. Волосы распустила, сделала лёгкий макияж — просто тушь и блеск для губ. Чтобы выглядеть собой, а не «той девочкой, которую они помнят».

Мне нужно было заехать за подарком. Я честно не знала, что подарить ей. Мы не были близки, мы не были сёстрами. Но я не хотела отвечать злом на всё, что она сделала. Это было бы не по-моему. Для меня это дико — опускаться до их уровня. Я не такой человек. Да, я помню всё, я помню, какое отношение было в мою сторону. Но я не собираюсь опускаться так же низко, как это сделали они. Это глупо.

Я заехала в цветочный и купила роскошный букет пионов — нежных, розовых, с лёгким ароматом. Красивые. Символические, может быть. Пионы — цветы для прощания, так говорят.

Потом я заехала в ювелирный. Выбрала красивый кулон — серебряный, с небольшим голубым камнем. Не дорогой, но и не дешёвый. Достойный. Просто чтобы она знала: я не держу зла.

А ещё я заехала в магазин и купила мяса для шашлыка. Погода сегодня была солнечная, тёплая, и я подумала: почему бы не пожарить его на заднем дворе, если они разрешат. Заодно купила фруктов и хорошего вина — для отца. Он всегда любил коллекционировать интересное вино, ценил его,

как искусство. Может быть, это станет моим последним подарком ему.

Я загрузила всё в багажник, села в машину, включила музыку погромче — что-то бодрое, ритмичное — и выехала за город. Дорога была привычной, знакомой до мельчайших поворотов. Петербург оставался позади, а впереди — то самое место, где прошло моё детство. Или то, что я хотела забыть.

Я приехала к часу дня. Отец стоял у ворот — я даже удивилась, что он вышел встречать меня. Вроде бы мелочь, но для меня это было что-то. Я припарковалась у дома и вышла из машины. Давно я здесь не была. Ровно с того момента, как поступила и пыталась забыть это место навсегда. Ужас. Но вот я здесь.

— Доченька, боже, как я рад! — он распахнул руки, и я увидела его улыбку. — Ты такая красавица! Я не могу!

Отец изменился. Годы шли, и он не молодел. Передо мной стоял уже не тот папа, которого я помнила. Он чуть поседел, морщины стали глубже, но глаза — те же. Тёплые, родные, с той же знакомой искоркой, которую я запомнила с детства.

— Папа, я тоже рада тебя видеть, — сказала я, и голос чуть дрогнул.

Мы обнялись. Я почувствовала его запах — тот самый, родной, смесь табака, одеколona и дома. Слезы навернулись сами собой, горячие, непрошенные. Я прижалась к нему крепче, чувствуя, как внутри что-то отпускает. Я отстранилась,

вытерла глаза, стараясь не смотреть на него. Взяла себя в руки и улыбнулась.

— Пап, я продукты привезла, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Там в багажнике мясо, фрукты, овощи. Возьми, отнеси в дом, пожалуйста. А я всё остальное возьму.

— Сейчас, сейчас, — засуетился он, открывая багажник. — Ого! Мясо! Ну ты молодец! Мы как раз мангал хотели разжигать. Красота!

Я взяла букет пионов и коробочку с подарком, прикусила губу и пошла к дому. На крыльце я остановилась и сделала глубокий вдох.

— Ну что, Громова, — прошептала я. — Ты справишься. Это всего лишь обед. Просто поешь и уедешь. Главное — не дай им испортить тебе настроение.

Я открыла дверь и шагнула внутрь. В прихожей пахло жареным мясом, выпечкой и чем-то сладким. Из гостиной доносились голоса — Жени и мачехи. Я слышала, как они смеются, как звенит посуда. Картинка идеальной семьи.

— Саша приехала! — крикнул отец сзади, заходя с продуктами.

Я вошла в гостиную. Женя стояла у стола, нарядная, в красивом платье, с идеальной укладкой. Она повернулась ко мне, и на её лице застыла широкая, наигранная улыбка.

— Саша! — пропела она, бросаясь ко мне с объятиями. — Как я рада тебя видеть! Ты так редко приезжаешь, совсем

нас забыла!

Я позволила ей обнять меня, чувствуя, как её руки сжимают меня, но внутри это было пусто. Я знала эту улыбку. Знаю, что за ней скрывается.

— С днём рождения, сестра, — сказала я ровно, протягивая ей цветы и подарок. — Это тебе.

— Ой! Пионы! Мои любимые! — она прижала букет к груди, делая вид, что счастлива. — Саша, какая ты милая! И подарок! Что там? Можно открыть?

— Открой, конечно, — пожала я плечами.

Она развернула коробочку, увидела кулон и её глаза на секунду блеснули искренним удивлением.

— Саша, это очень красиво! — сказала она, и в голосе прозвучало уважение. — Спасибо! Правда, спасибо!

Я кивнула, чувствуя, как за моей спиной возникла мачеха.

— А вот и наша принцесса, — сказала она, и я услышала знакомую сладкую фальшь. — Александра, ты такая взрослая стала. Проходи, садись за стол.

Я вошла в гостиную, мельком оглядела дом. Всё было так же, как раньше: пыльные статуэтки, огромный стол, семейные фотографии на стенах, где я улыбалась в детстве, и как будто всё это время никуда не уходило. Но я уже была не той девочкой, которая боялась смотреть в глаза мачехе. Я была взрослой. И я приехала не для того, чтобы ссориться. Я приехала, чтобы попрощаться.

Я прошла вглубь двора, туда, где под старыми яблонями был накрыт длинный стол. Белая скатерть, свечи в стеклянных подсвечниках, тарелки с фруктами и зеленью — выглядело красиво и уютно. Пахло осенними листьями, дымом из мангала и ещё чем-то домашним, что я почти забыла.

Отец уже суетился у мангала, нанизывая мясо на шампуры. Мачеха что-то поправляла на столе, Женя стояла рядом, держа в руках бокал с вином и улыбалась той самой улыбкой, которую я видела сотни раз. Я подошла к столу, положила подарок на край и села на предложенное место.

— Садись, дочка, садись, — позвал отец, обернувшись на секунду. — Сейчас шашлык будет, ты не представляешь, как я соскучился по шашлыку на природе.

— Да я тоже, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Ну что, кто что будет пить? — спросил он, оглядывая нас. — Крепкое или сок? У меня есть и вино, и коньяк, и настойка домашняя.

— Я за рулём, — сказала я, — мне сок или воду.

— Ну конечно, конечно, — закивал он. — А мы себе вина, Жень?

— Да, папа, я с тобой, — ответила Женя.

Мачеха тоже выбрала вино. Отец разлил, поднял бокал, и все замерли. Он оглядел нас — меня, Женю, мачеху — и в его глазах мелькнула такая искренняя теплота, что у меня

кольнуло в груди.

— Ну что ж, — сказал он, — сегодня мы собрались впервые за долгое время вместе. И сегодня тот день, дорогая, — он посмотрел на Женю, — когда наши две замечательные девочки — вместе. Саша и Женя... вы такие красотки, вы так выросли, просто...

Его голос дрогнул. Я заметила, как на его глазах выступила влага. Я тоже почувствовала, как горло сжалось. Я сделала глоток воды, чтобы сгладить ком.

— Давайте выпьем, — продолжил он, чуть помолчав, — сегодня мы собрались прежде всего потому, что у нашей дорогой Евгении день рождения. Чтобы все твои мечты сбылись, цели были достигнуты, дорогая. Чтобы ты обрела своё счастье, любящую семью... За тебя, дорогая. С днём рождения!

Он поднял бокал, и мы все чокнулись. Женя сидела, слушала, улыбалась — и, на удивление, в её улыбке было что-то искреннее. Она не кривилась, не строила из себя невесту. Она просто слушала отца и, кажется, действительно была тронута.

— Спасибо, папочка, — сказала она, наклоняясь и целуя его в щёку.

— За вас, девочки мои, — повторил отец и залпом выпил вино.

Мы начали есть. Мачеха подкладывала всем салаты, отец принёс первый шампур с дымящимся мясом. Пахло неверо-

ятно вкусно, и я даже забыла, что я здесь, в этом доме, с этими людьми. На какое-то мгновение стало почти уютно.

— Саша, ты совсем похудела, — заметила мачеха, пристально глядя на меня. — Работа, наверное, замучила?

— Да, работы много, — ответила я спокойно. — Но ничего, я справляюсь.

— Ты всегда справлялась, — неожиданно мягко сказала она, и я подняла на неё взгляд. В её глазах не было привычной фальши, а что-то похожее на... усталость. Или признание. Я не знала, как это назвать.

Я ничего не ответила. Просто взяла кусочек мяса и откусила, чувствуя, что этот день — особенный. Не потому, что я хотела праздника. А потому, что я поняла: я готова попроситься. Со всеми ними, со всеми обидами, с болью, которую они мне причинили, вернее моему маленькому ребёнку, который сидит всё ещё внутри меня.

Мы ели, говорили о пустяках. Отец шутил, рассказывал истории из своей жизни. Мачеха смеялась. Женя рассказывала о своих планах — хотела открыть небольшой бизнес, что-то связанное с цветами. Я слушала и улыбалась, хотя внутри было пусто и спокойно. Как будто я смотрела на чужую жизнь, чужой праздник.

Когда шашлык закончился, мы перебрались в гостиную. Отец заварил чай, достал пирог с яблоками — мой любимый, как он сказал. Я улыбнулась, взяв кусочек.

— Саша, — сказал он, подсаживаясь ко мне, — я хочу тебя кое о чём спросить.

Я повернулась к нему:

— Да, пап?

Он замялся, потом посмотрел мне в глаза:

— Слухи ходят, что вас там... закрывают. Я переживаю. Что ты будешь делать?

Я смотрела на него. На его морщины, на его седину, на его глаза. И вдруг поняла, что я больше не злюсь на него. Я устала злиться. Я просто хочу, чтобы он знал правду.

— Пап, — сказала я тихо, — я еду в Москву. Мне предложили перевод. Я согласилась.

Он замер. Казалось, он не дышит несколько секунд. Потом медленно выдохнул.

— В Москву? — переспросил он. — А Леша? Вы же...

— Мы расстались наверное, я не знаю... — честно ответила я. — Ему не понравилось моё решение. Но я не могу жить так, как он хочет.

Он долго молчал. Потом взял меня за руку и крепко сжал.

— Я горжусь тобой, дочка, — сказал он. — Ты — моя дочь. Ты — сильная.

Я прикусила губу, чтобы не расплакаться.

— Я приеду, пап. Навещать. Обещаю.

Он кивнул и обнял меня, уткнувшись носом в мои волосы, как когда-то давно.

Я сделала глоток чая и откусила кусочек яблочного пиро-

га. В гостиной стало тихо — только звон чашек и тихое потрескивание дров в камине, который отец растопил, пока мы пили чай. За окном уже начало смеркаться, и лёгкий осенний ветер шевелил листву за стеклом.

Вдруг отец встал, подошёл к старому музыкальному центру, который стоял в углу, и нажал на кнопку. Из колонок полилась медленная, старая мелодия — что-то из тех песен, которые он любил в молодости. Он повернулся к мачехе и протянул ей руку:

— Давай, милая, потанцуем с тобой. Я так давно не танцевал.

Мачеха удивлённо подняла бровь, но улыбнулась и вложила свою ладонь в его. Он мягко обнял её за талию, и они закружились по гостиной. Я и Женя переглянулись. И начали смотреть, как они танцуют. Медленно, немного неуклюже, но с такой нежностью, что у меня защипало в глазах. Отец что-то шептал ей на ухо, а она смеялась, как девчонка, и прятала лицо у него на плече. Они выглядели как два подростка, впервые влюблённых друг в друга.

— Боже, — тихо сказала я, чувствуя, как на душе становится тепло и странно спокойно. — Это так мило.

Женя, сидевшая рядом со мной на диване, кивнула. Она не отрывала взгляда от родителей, и на её лице я увидела что-то, чего раньше не замечала — нежность. Не наигранную, не для виду. Настоящую.

Мы смотрели, как они танцуют, и в комнате стояла та осо-

бенная тишина, когда слова не нужны. Мелодия закончилась, они остановились, и отец поцеловал мачеху в лоб, как будто они только что встретились. А потом повернулся к нам и улыбнулся:

— Ну что, девочки, а вы? Не хотите?

— Нет, папа, — улыбнулась я. — Мы лучше посмотрим. Он засмеялся и снова обнял жену.

Через несколько минут мачеха ушла на кухню, чтобы принести ещё чая, а Женя повернулась ко мне. Она смотрела на меня серьёзно, и я почувствовала, что сейчас будет что-то важное.

— Саша, — начала она, и голос её звучал мягче, чем я привыкла, — прости меня. Я знаю, что была грубой с тобой. Да, я помню всё. Я ничего не забыла. Я знаю, что наше детство проходило не лучшим способом. И я знаю, что ты держишь обиду на меня, поэтому никогда не приезжаешь сюда. А после выпуска ты вообще забыла дорогу, не хотела даже думать об этом доме. Я это понимаю.

Я посмотрела на неё. В её глазах не было привычной фальши, истеричности, желания показать себя лучше. Только искренность. Я не знала, что ответить. Внутри что-то дрогнуло, но я не хотела плакать. Я взяла себя в руки и сказала:

— Давай прогуляемся что ли? Там за домом у нас есть выход к речке.

Женя улыбнулась, чуть удивлённо, но с радостью:

— Да, давай.

Мы накинули лёгкие куртки и вышли через заднюю дверь. За домом начиналась тропинка, ведущая вниз, к небольшой речке, которая текла через лес. Я помнила это место с детства — мы часто играли здесь, до того, как всё стало сложно. До того, как мачеха начала видеть во мне врага, а Женя — соперницу.

Мы шли молча, но молчание было не напряжённым, а каким-то... очищающим. Я слушала, как шелестят листья под ногами, как где-то вдалеке кричит птица, и чувствовала, что этот разговор нужен мне не меньше, чем ей.

— Я не злюсь на тебя, Жень, — сказала я тихо, когда мы вышли к берегу. — По крайней мере, уже нет. Я долго злилась, но теперь... я просто хочу закрыть эту главу. У меня новая жизнь впереди. И я не хочу тащить в неё старые обиды.

Она остановилась, повернулась ко мне. В вечернем свете её глаза казались почти чёрными.

— Я не была хорошей сестрой, — сказала она. — И я хочу, чтобы ты знала: я виню себя. Мне не нужны были эти игры, эти ссоры. Я просто хотела... быть любимой. Как ты. Папа тебя всегда любил чуточку больше. И я завидовала.

Я вздохнула. Ветер шевелил её волосы, и я впервые заметила, что мы похожи — та же линия скул, тот же изгиб бровей.

— Он и тебя любит, Жень, — сказала я. — Просто по-разному. Я поняла это сегодня. Когда он танцевал с твоей мамой, я поняла, что он тоже человек. И он старался, как

мог.

— А ты? — спросила она. — Ты простишь меня?

Я помолчала, глядя на воду, которая тихо плескалась у берега. Потом повернулась к ней и улыбнулась:

— Я уже простила.

Она шагнула ко мне и обняла меня — тепло, крепко, как сестра. Я обняла её в ответ. И в тот момент я поняла, что этот визит был нужен не только отцу. Мне самой. Чтобы отпустить. Чтобы простить. Чтобы начать новую жизнь не с грузом прошлого, а с лёгкостью в груди.

Я замолчала. Слова закончились, а в груди всё ещё kloкотала обида, которую я так долго держала в себе. Я смотрела на воду, на маленьких утят, которые беззаботно плавали по речке, и думала о том, как легко им — просто плыть по течению, не думая о том, кто и что о тебе скажет.

Женя стояла рядом, молчала. Я чувствовала, что она слушает меня не перебивая, не пытаясь дать совет или переубедить. Она просто была рядом. И это было неожиданно — её молчание, её внимание. В детстве она никогда не умела слушать. Теперь она слушала.

— Я не знаю, что делать, Жень, — сказала я тихо, глядя на воду. — Я люблю его. Или думала, что люблю. Но когда он начал говорить мне, куда мне ехать, что мне делать, кого слушать, я поняла — это не любовь. Это контроль. Я просто устала быть удобной. Для всех. Для него, на работе, везде.

Я повернулась к ней. Она смотрела на воду, и в её глазах

было что-то новое, что я раньше не замечала — взрослая грусть.

— Знаешь, — сказала она медленно, — я тоже когда-то была в таких отношениях. Мужчина, который всё решал за меня. Куда идти, с кем дружить, что носить. Я думала, это любовь. Что он заботится. А потом я поняла, что он боится, что я стану самостоятельной и уйду. И он делал всё, чтобы я не ушла. Только это была не любовь, Саша. Это был страх.

Я смотрела на неё, и внутри что-то переворачивалось. Она говорила так просто, так искренне, будто прошла через то же самое, что и я.

— И ты ушла? — спросила я.

— Ушла, — кивнула она. — Было больно. Очень. Но потом я поняла, что это был единственный правильный шаг. Я не могла жить его жизнью. И ты не должна, Саша. Ты — умная, красивая, у тебя есть работа, которая приносит тебе радость. Ты построила всё сама. И ты не обязана кому-то что-то доказывать. Даже Леше. Вообще никому.

Я чувствовала, как слёзы подступают к глазам. Но в этот раз они были не от боли. А от облегчения.

— Жень, — сказала я, — спасибо. Я не ожидала, что ты скажешь это.

— Я тоже многое поняла за эти годы, — ответила она. — И я не хочу, чтобы ты уезжала, оставляя здесь груз обид. Мы должны жить своей жизнью. Своей. Ты слышишь?

Я кивнула, чувствуя, как между нами рушится стена, ко-

торуую мы строили почти двадцать лет.

— Ты права, — сказала я. — Я устала чувствовать себя чужой. Здесь. И в отношениях.

— Тогда уезжай, — сказала она твёрдо. — В Москву. Начинай новую жизнь. Если Леша не готов идти с тобой — это его выбор. Это не твоя вина. И знаешь, что я тебе скажу?

— Что? — спросила я.

— Ты сильная. Ты всегда была сильнее, чем я. Я просто боялась это признать.

Мы обнялись. Над рекой тихо светило заходящее солнце, утятя уплыли дальше по течению, и я впервые за долгое время почувствовала, что я не одна. У меня есть сестра. Настоящая. И, возможно, именно эту поддержку я искала все эти годы.

Мы вернулись с прогулки, когда на улице уже совсем стемнело. В гостиной горел только торшер, и родители сидели на диване, укутавшись в плед, и смотрели какой-то старый сериал. Отец что-то комментировал, мачеха смеялась, и они выглядели такими уютными, такими обычными, что я на мгновение забыла, что когда-то эта картина вызывала у меня только боль.

— Мы на кухню, — тихо сказала Женя, и отец махнул рукой, не отрываясь от экрана.

Мы прошли на кухню. Женя достала из шкафа бутылку красного вина, которую я привезла, и два бокала. Разлила. Я села на высокий стул у стола, она — напротив.

— Ну что, — сказала она, поднимая бокал, — за нас. За то, чтобы мы наконец стали сёстрами.

Я чокнулась с ней и сделала глоток. Вино было тёплым, терпким, и оно разливалось по телу приятным теплом.

Мы говорили. Сначала о работе — Женя рассказала, что устроилась в небольшой цветочный салон и мечтает открыть свой. Потом о родителях — о том, как они изменились за последние годы, как мачеха стала мягче, как отец всё чаще говорит о прошлом. Потом о мужчинах. О том, как мы обе наступили на одни и те же грабли.

— Он был как Леша, — сказала Женя, крутя в руках бокал. — Тоже говорил, что любит, тоже ревновал, тоже пытался решать за меня. А потом изменил с моей же подругой. Представляешь? С той, с кем я делилась секретами.

— Жесть...

— Он потом пытался вернуться, писал, звонил, стоял под дверью. Но я не открыла. Потому что поняла — если я вернусь, он поймёт, что со мной можно так поступать. И будет повторять снова и снова.

Я смотрела на неё и видела в её глазах ту же боль, которую чувствовала сама. Но мне Лёша не изменял. На этом спасибо. И в тот момент я поняла, что мы не такие уж и разные. Мы просто шли разными дорогами, но в итоге оказались в одной точке.

— А у тебя, — спросила она, — а у тебя с Лешей был секс... ну, как?

Я усмехнулась и отпила вино.

— О, Жень, ты хочешь подробностей?

— А то! — она засмеялась. — Мы же сёстры. Ну давай, рассказывай.

И мы говорили. Обо всём. О мужчинах, о сексе, о том, что нас заводит, что бесит, о чём мы молчим в отношениях и о чём кричим, когда нас никто не слышит. Это было так душевно, так по-женски, что я даже забыла, сколько времени прошло. Мы смеялись, я рассказывала о его руках, о том, как он целовал мою шею, она — о том, как её бывший был полной противоположностью — холодным, отстранённым, но невероятным в постели.

— Ну, девочки, вы чего не спите? — раздался голос отца из коридора. Он стоял в дверях, заспанный, в старой майке. — Уже два часа ночи.

— Пап, иди спать, — сказала Женья, махнув рукой. — Мы тут взрослые разговоры ведём.

— Ну-ну, — он улыбнулся и ушёл. — Только не шумите. Мы переглянулись и прыснули со смеху.

К двум часам мы уже выпили почти всю бутылку. Голова стала тише, разговоры — спокойнее. Я чувствовала, что устала, но как-то приятно, по-хорошему.

— Пойдём, — сказала Женья, потягиваясь. — Надо ложиться. Завтра у тебя дорога.

Мы поднялись, обнялись на прощание, и я пошла в свою комнату. Комнату, которую не видела больше десяти лет.

Я открыла дверь и замерла.

Всё было как в детстве. Тот же письменный стол у окна, та же старая лампа с зелёным абажуром, тот же плед на кровати, который я помнила ещё со школы. На полке стояли книги — мои книги, которые я читала по ночам, когда не могла уснуть. И даже старый плюшевый заяц, которого я считала потерянным навсегда, сидел на подушке, как будто ждал моего возвращения.

Я подошла, взяла его в руки, и у меня защемило в глазах.

Она не выбросила мои вещи. Мачеха не тронула мою комнату. Не превратила её в кладовку, не отдала Жене, не сожгла моё детство. Она оставила её. Для меня. Как будто знала, что когда-нибудь я вернусь.

Я села на кровать, прижимая зайца к груди, и вдруг почувствовала, как внутри разливается такое тёплое, такое неожиданное чувство прощения. Я не знала, за что именно, но я прощала их. Всех. И себя — за то, что так долго держала обиду.

Я умылась, переоделась в ту футболку, которую нашла в шкафу (она всё ещё пахла старым порошком, которым пахло моё детство), и забралась под одеяло. Комната была тихой, тёплой, и за окном уже начинал заниматься рассвет. Я закрыла глаза и улыбнулась.

Я не планировала оставаться здесь на ночь. Я вообще не планировала этот вечер. Но он получился таким, каким должен был быть — тёплым, искренним, настоящим.

Я провалилась в сон почти мгновенно. И спала так крепко, как не спала уже много месяцев. Никаких тревог, никаких мыслей о работе, о Леше, о будущем. Только тишина, только уют, только это странное чувство, что всё будет хорошо.

И когда я проснулась утром, я знала: я готова. Готова уехать. Готова начать новую жизнь. И готова возвращаться... сюда — не как в прошлое, а как к месту, где меня теперь ждут.

Утро началось с того, что я услышала с кухни тихие голоса отца и мачехи. Она что-то готовила — запах доносился до самой спальни, тёплый, сладковатый, уютный. Пахло выпечкой, вишней и чем-то ещё домашним, что я почти забыла. Мачеха всегда готовила вкусно. Это было единственное, в чём я не могла отказать ей даже в самые сложные времена.

Я встала, умылась, натянула ту же футболку, в которой спала, и вышла в кухню.

— Доброе утро, ранняя пташка! — сказал отец, поднимая голову от газеты. — Что так рано?

— Доброе утро, Саша, — улыбнулась мачеха, поправляя фартук. Она стояла у плиты, и перед ней уже дымилась большая форма с пирогом.

— Да я так всегда встаю, — я села за стол. — В выходные тоже не могу долго валяться. Привычка.

— Могла бы ещё поспать, — сказал отец. — У тебя же выходной.

— Ой, нет, — я махнула рукой. — Потом целый день буду вялой и разбитой. Лучше уж встать, всё успеть.

Я посмотрела на пирог, который мачеха вытаскивала из духовки. Золотистая корочка, вишнёвый сок, который пузырился по краям, и запах, от которого у меня заурчало в животе.

— А чем так вкусно пахнет? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— Пирог вишнёвый, — сказала мачеха, и в её голосе слышалась лёгкая гордость. — Ты же любишь вишню?

Я кивнула, чувствуя, как внутри разливается тепло. Она помнила.

— Чай или кофе? — спросила она, уже ставя передо мной тарелку.

— Чай, если есть зелёный, — сказала я. — Если нет, то любой.

— Есть, есть, — она достала из шкафа банку с зелёным чаем. — Я специально купила.

— Как спалось вам? — спросила я, чтобы заполнить паузу.

— Всё хорошо, — ответил отец, складывая газету. — А тебе?

— Отлично, — ответила я честно. — Я так давно не спала.

— Ну и замечательно, — он улыбнулся. — Во сколько ты планируешь обратно в Питер мчаться?

— Ну вот, думаю, позавтракаю, и поеду, — сказала я, от-

ламывая кусочек пирога. — А то у меня и по дому дел, и по работе ещё — нужно всё подготовить перед отъездом в Москву.

— Понятненько, — протянул он, но без грусти.

Я откусила пирог. Он был невероятным — рассыпчатый, сочный, с кислинкой вишни и привкусом ванили. Я закрыла глаза на секунду.

— Боже, как вкусно, — сказала я. — Спасибо.

Мачеха улыбнулась, и я впервые не увидела в её улыбке ни фальши, ни напряжения. Только тепло. Тут на кухню вплыла Женя — сонная, растрёпанная, в длинной майке. Она зевнула, потянулась и села рядом со мной.

— О, пирог! — она оживилась. — Mam, ты сегодня моя героиня.

— Садись, ешь, — мачеха поставила перед ней тарелку. — Ты тоже рано сегодня.

— А я Сашу проводить хочу, — сказала Женя, наливая себе чай. — Да и пирог твой не каждый день бывает.

Мы сидели за столом, и я поймала себя на том, что чувствую себя частью этой картины. Часть семьи, которая наконец перестала быть чужой.

Отец включил телевизор, и пошёл какой-то российский сериал — про богатого бизнесмена и бедную девушку из деревни. Он влюблялся в неё, она в него, и всё было таким неправдоподобным, но таким смешным, что мы не могли оторваться.

— Стабильно всё, — сказала я, жуя пирог. — Богач влюбился в дурочку из деревни. Боже, какой сюжет.

— А ты что хотела, — засмеялась Женя. — Российский кинематограф, он такой. Зато смешно.

Отец подлил себе чаю и добавил:

— Ну, у нас тут тоже своя драма была, — он подмигнул мачехе. — Моя жена тоже когда-то была из деревни.

— Папа! — засмеялась я. — Ты серьёзно?

— Всё серьёзно, — сказал он, обнимая мачеху за плечи. — Я её в город привёз, и она стала моей королевой.

Мачеха закатила глаза, но улыбнулась. И я поняла, что это тоже — часть нашей истории. Кривая, запутанная, но она была.

Мы доели завтрак, допили чай, посмеялись над сериалом. И я вдруг подумала: я бы хотела запомнить это утро. Такое тёплое, такое простое, такое настоящее.

— Ну что, — сказала я, когда мы закончили, — пора собираться.

Женя обняла меня, и я почувствовала, как она шепнула:

— Приезжай. Когда сможешь.

— Приеду, — ответила я. — Обязательно.

Отец подошёл, обнял меня, и я почувствовала, как его рука дрожит на моей спине.

— Ты у меня молодец, — сказал он. — Я знаю, у тебя всё получится.

Мачеха протянула мне пакет с оставшимся пирогом:

— Возьми с собой. В дороге съешь.

Я взяла, улыбнулась и сказала:

— Спасибо.

Я вышла на крыльцо. Утро было солнечным, прохладным, и воздух пах листвой и свободой. Я села в машину, завела мотор и на мгновение задержала взгляд на доме. Доме, в который я, наконец, смогла вернуться. И я знала — теперь я вернусь сюда снова. Не как гостя. А как нечужой человек.

До Питера я доехала на удивление быстро. Дорога была свободной, погода — солнечной, и я даже не заметила, как въехала в город. Решила не терять времени и заехала в магазин — купила продуктов на неделю, чтобы не думать об этом в ближайшие дни. Взяла всё самое нужное: молоко, яйца, овощи, что-то к чаю, и даже пару шоколадок, потому что заслужила. А что нет, можно же себя побаловать, правильно.

Приехала к себе, скинула пальто, включила сериал на фоне — как раз показывали этот дурацкий, где богач влюбляется в девушку из деревни, и мы с Женей над ним смеялись. Чушь полная. Видно шёл уже второй сезон, и я решила догнать, пока работаю.

Я разобрала сумки, села за стол и достала ноутбук. Графики, которые нужно было сдать завтра утром, ждали меня. Они были почти готовы, оставалось только проверить цифры и подогнать форматирование. Я ушла в работу с головой — цифры, таблицы, отчёты. Сериал бормотал где-то на фоне, но я его почти не слушала.

Вечер пролетел незаметно. Когда я подняла голову от экрана, за окном уже стемнело. Я потянулась, хрустнула шей и почувствовала, как приятно устала. Работа была сделана, и я могла вздохнуть спокойно.

И ещё я решила, что когда уеду в Москву, буду сдавать свою квартиру. Не продавать, а сдавать. Это был мой дом, и я не готова была с ним расставаться насовсем. Я убралась в квартире — протёрла пыль, пропылесосила, проветрила. Потом взяла телефон и сделала несколько фото: светлая комната, уютный диван, кухня с цветами на подоконнике. Всё выглядело аккуратно и чисто.

Я разместила объявление на сайт: «Сдаю уютную однушку по адресу ... с 1 декабря. Только для молодой девушки. Без животных и курильщиков. Предпочтительно — студентка или работающая». Написала честно, без лишней воды.

Когда всё было готово, я приняла душ, надела любимую пижаму и забралась под одеяло. Выходные пролетели быстро, но так приятно, что я даже не жалела, что завтра понедельник. Впервые за долгое время я чувствовала себя наполненной — не работой, не переживаниями, а какой-то странной, тихой уверенностью.

Я взяла телефон и посмотрела на чат с Лешей. Последнее сообщение было от меня — ещё с пятницы. Я написала: «Приветик, нам нужно поговорить завтра».

Отправила. Он прочитал в ту же секунду. Я видела, как появились галочки — прочитано. Но ответа не было. Ни хо-

рошо, ни да, ни даже нет. Просто тишина.

Я смотрела на экран и чувствовала, как внутри закипает лёгкое раздражение. Как ребёнок, ей-богу. Он всегда так делал, когда злился — молчал, игнорировал, заставлял меня ждать. И я тысячу раз попадалась на эту удочку, писала ещё, звонила, пыталась достучаться. Но сейчас я просто положила телефон на тумбочку, выключила свет и отвернулась к стене.

— Надоел, — сказала я вслух в пустоту. — Просто надоел.

Я закрыла глаза и провалилась в сон почти мгновенно. Без тревог, без мыслей о том, что он ответит. Потому что я знала — я сделала всё, что могла. А если он не готов говорить — это его выбор. Это больше не мой груз.

Завтра начнётся новая неделя. И я готова к ней. Готова к Москве, к новой работе, к новой жизни. И даже если Леша так и не ответит — я не остановлюсь. Я иду дальше.

Глава 4

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.